U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА НИКИТИНА.

ИЗДАЛЪ ГР. Д. Н. ТОЛСТОЙ.

ВОРОНЕЖЪ.
1856.
7564.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Stikhotvoreniia

СТИХОТВОРЕНІЯ

Nikitin, Ivan Savvich

ИВАНА НИКИТИНА.

ИЗДАЛЪ ГР. Д. Н. ТОЛСТОЙ.

ВОРОНЕЖЪ.

1856.

7364.

PG3337
.N7A17
1856

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 29 Марта 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Г. Бенике.

Авторъ издаваемыхъ нынѣ стихотвореній принадлежитъ къ тому классу гражданскаго общества, которое необладая изобиліемъ матеріальныхъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе лишено и способовъ умственнаго образованія. Онъ мѣщанинъ. — Въ прежнее время, еще не весьма отъ насъ отдаленное, когда занятія литературою исключительно принадлежали привиллегированному сословію, этого было бы достаточно, чтобы возбудить въ публикѣ благосклонное участіе къ автору. Любопытно было посмотрѣть, какъ говоритъ стихами тотъ, въ комъ не только не предполагалось присутствія поэтическаго чувства, но даже не вѣрилось въ возможность выражаться приличнымъ образомъ. Это было щастливое время тѣхъ простодушныхъ вѣрованій, отчасти смѣшныхъ, отчасти грустныхъ, кото-

рое неразлучно съ переходнымъ состояніемъ развитія извнѣ привитой гражданственности, когда необходимымъ условіемъ деликатности и глубины чувствъ считались французскіе кафтаны и бѣлыя перчатки. Теперь не то. Теперь поняли, что дарованія, умъ и чувства лежатъ не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ глубинѣ человѣческаго духа; что если образованность, истекающая изъ науки и обусловливаемая богатствомъ матеріальныхъ средствъ, сильно оплодотворяетъ природныя дарованія, то все таки зерно ихъ, подлежащее обработыванію, лежитъ, посѣянное щедрою рукою Создателя, въ нравственной природѣ человѣка, независимо отъ его іерархическаго положенія въ обществѣ, и тѣмъ обильнѣе, чѣмъ болѣе смиренія и любви находится въ душѣ его.

Вслѣдствіе такого различія во взглядахъ перемѣнились и требованія въ отношеніи къ поэту. Сдѣлались болѣе взыскательными; перестали удовлетворяться версификаціею; потребовали внутренняго смысла отъ внѣшней, часто весьма удовлетворительной, формы. Этому много содѣйствовалъ примѣръ Кольцова. Жаловаться ли на эту перемѣну? Конечно нѣтъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать, что современное требованіе сдѣлавшись строже, едва ли стало справедливѣе. Впадаютъ въ другую крайность. При законномъ требованіи самостоятельности, своеобразнаго воззрѣнія на міръ и общество, стали требовать и своеобразнаго изложенія, не менѣе законнаго, если это требованіе ограничивается проявленіемъ индивидуальной личности, и черезъ чуръ взыскательнаго, коль скоро оно переходитъ за эти предѣлы. По крайней мѣрѣ намъ встрѣчались мнѣнія, что нѣкоторыя пьэсы нашего автора, помѣщенныя въ журналахъ, не довольно самобытны и напоминаютъ Пушкина, Лермантова,—поэтовъ, подъ обаяніемъ которыхъ развивается,—будто бы,—его дарованіе.

Посмотримъ же въ какой степени справедливо это обвиненіе.

Всякое дарованіе выражается въ двухъ видахъ: въ формѣ и въ содержаніи. Полная свобода автора въ выборѣ содержанія признана уже съ давняго времени, но выборъ формы еще недавно стѣснялся школярными правилами риторикъ. Еще не забыты жаркіе споры между романтизмомъ и классициз-

момъ, равно къ намъ не прилагаемыми, равно у насъ ложными, которыми, съ голосу западной Европы, наполнялись наши журналы. Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ самобытнѣе дарованіе, тѣмъ своеобразнѣе и форма его произведеній; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы оригинальность формы ежедневно изобрѣталась вновь, — что̀ было бы совершенно невозможнымъ. И дѣйствительно, мы отрѣшились отъ многихъ условныхъ рамокъ, предпоставленныхъ намъ образцами старинныхъ риторикъ; забыли тѣ классическія имена, которыя крупными буквами выставлялись въ заглавіи стихотвореній прошедшаго вѣка; пренебрегли даже менѣе почтеннымъ названіемъ «баллады», но стихотворенія наши все-таки вылились въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ съ прежними, и носятъ ли они названіе баллады, какъ прежде, или исторической пѣсни, какъ нынѣ, — внѣшняя форма ихъ одна и таже. Различіе въ отдѣлкѣ стиха, зависящей отъ умѣнья автора владѣть языкомъ, и отъ степени его дарованія. Иначе и быть не можетъ, потому что человѣчество, одаренное Создателемъ способностью творчества въ

изобрѣтеніи, и своеобразностію во взглядѣ, всегда ограничено и бѣдно въ средствахъ выраженія, и подобно тому, какъ въ искусствахъ начертательныхъ всѣ средства художника замкнуты въ прямыхъ, кривыхъ и круглыхъ линіяхъ, такъ и въ словесныхъ все сосредоточено въ лексиконѣ. Но въ художествахъ являются геніи, которые увлекаютъ за собою массы. Все подчиняется ихъ вліянію: и посредственность и дарованія самобытныя; съ тою только разницею, что первая стремится къ рабскому подражанію своего образца, а послѣднія пользуются ихъ заслугами, какъ законнымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ имъ предшественниками. — И это замѣчаніе, преимущественно, относится къ формѣ, къ языку въ прозѣ, вообще, и къ отдѣлкѣ и строенію стиха въ поэзіи, въ особенности.

Современною образованностію русскаго языка мы, безъ сомнѣнія, обязаны Карамзину. Это въ такой степени справедливо, что, въ отношеніи стиля, безъ него не было бы ни Пушкина, ни Гоголя. Никому однакоже еще не приходило въ голову обвинять ихъ въ подражаніи этому образцу. Потому что ориги-

нальность автора наиболѣе проявляется во второмъ видѣ предложеннаго нами тезиса, — въ содержаніи, или точнѣе, въ своеобразности воззрѣній его на міръ, на окружающее его общество. Въ этомъ одномъ, — и только въ этомъ, читатель вправѣ требовать оригинальности отъ автора, потому что отсутствіе ея повергаетъ въ общія мѣста, всегда болѣе или менѣе пошлыя. Благозвучіе, ловкость стиха и т. п., хотя весьма важны для совершенства стихотворнаго пропзведенія, нососта-вляютъ уже второстепенныя достоинства автора.

Изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы личность автора отнюдь не отражалась на внѣшней формѣ его произведеній. Если мы допускаемъ, какъ необходимое условіе оригинальности, своеобразность воззрѣній, то должны допустить, какъ необходимое же послѣдствіе этого воззрѣнія, и своеобразность выраженія. Но мы хотимъ сказать только, что степень этой своеобразности не можетъ быть предписана поэту никакими внѣшними требованіями, и что она усвоивается и усиливается по мѣрѣ того, восколько авторъ проникается

своимъ предметомъ, выборъ котораго предоставленъ вполнѣ его свободной волѣ.

Г. Никитинъ, молодой поэтъ, стихотворенія котораго мы предлагаемъ читателю, только начинаетъ свое литературное поприще. Мы не вправѣ теперь еще требовать отъ него совокупности достоинствъ, которыя не всегда встрѣчаются и у писателей заслуженныхъ. Конечно никто болѣе его самого не чувствуетъ тѣхъ недостатковъ, которые встрѣчаются въ его стихотвореніяхъ, и принявши на себя ихъ изданіе, мы вовсе не имѣемъ въ виду быть его безусловными панегиристами. Но рѣшившись выдать ихъ въ печать, мы обязаны оправдать, такъ сказать, причины, насъ къ тому побудившія и высказать тѣ убѣжденія, по которымъ мы признаемъ дарованія нашего поэта заслуживающими вниманія соотечественниковъ.

Главное, — по мнѣнію нашему, — достоинство г. Никитина заключается въ его описательномъ дарованіи. Посмотрите съ какою жизнію представлены имъ картины и окружающаго его быта и окружающей его природы! Какъ широка, какъ разгульна эта степь, эти

зеленыя поля, орошаемыя Дономъ, и эти бѣлыя, мѣловыя горы, которыми покрыты берега его! — И какъ просты, какъ тихи, какъ чисты нравы сельскихъ жителей этого края! Поэтъ любитъ ихъ и любуется ими. Но изъ сельской жизни, въ которой преимущественно любитъ жить воображеніе поэта, онъ переходитъ къ жизни вседневной, насущной, жизни его окружающей, составленной изъ нищеты, нуждъ, мелкихъ плутней, порока, истекающаго не изъ природы человѣка, а изъ его насущнаго положенія, изъ недостатка духовной образованности и изъ постоянной борьбы съ лишеніями. Грустный переходъ! Тѣмъ болѣе грустный, что картины г. Никитина списаны съ натуры съ изумительною вѣрностью. Окруженный этими явленіями дѣйствительной жизни, столкновеніе съ которыми дѣлается для него, по его собственному, общественному положенію, довольно частымъ, поэтъ не можетъ не чувствовать всей томительной грусти, которая возникаетъ въ его душѣ при видѣ этой человѣческой бѣдности. Отсюда другой характеръ его произведеній: эта та глубокая грусть, которая слышна въ его зву-

кахъ. Но въ этой грусти читатель не находитъ слѣдовъ ни байроновскаго отчаянія, ни того чудовищнаго состоянія духа, для котораго на русскомъ языкѣ нѣтъ и названія, и которое у Французовъ XIX вѣка слыветъ подъ именемъ: blasé, ни даже той безнадежной грусти нашихъ стихотворцевъ, которая въ 25 лѣтъ заставляетъ оплакивать утраченную молодость: грусть г. Никитина скорѣе грусть русской пѣсни! И если нашъ поэтъ скорбитъ при видѣ грустныхъ явленій окружающей его современной жизни, если порокъ, насиліе или неправда, — рѣзко ли выражающіеся въ грубомъ состояніи необразованнаго общества или смягченные благовидными формами людей цивилизованныхъ, — исторгаютъ изъ души его глубокіе, тяжкіе стоны, то онъ часто бываетъ грустенъ и безотчетно, какъ мы сказали уже, грустенъ, какъ звуки нашей народной пѣсни. Найдите источникъ этой грусти въ русской мелодіи, вы отгадаете причину ея и въ его душѣ.

Признавая, что грустное направленіе стиховъ и картинъ г. Никитина составляетъ характеристическую ихъ черту, мы должны,

однакоже, сказать, что оно не составляетъ исключительнаго ихъ условія. Сосредоточивая въ себѣ, какъ поэтъ, всѣ элементы народной жизни, г. Никитинъ бываетъ и веселъ по народному. Въ стихахъ его не рѣдко слышатся звуки удалаго русскаго разгулья. Но это бываетъ тогда, когда онъ или созерцаетъ широкую красоту русской природы, или сознаетъ духовную мощь русскаго человѣка во всей первообразной чистотѣ его.

Указавъ на тѣ достоинства стихотвореній г. Никитина, которыя, по крайней мѣрѣ въ глазахъ издателей, заслужили имъ честь изданія ихъ въ свѣтъ, мы должны однакоже сказать, что вовсе не намѣрены ни оцѣнивать ихъ вполнѣ, ни произносить надъ ними суда: то и другое принадлежитъ читателямъ. Наше дѣло было оправдать цѣль нашего предпріятія и защитить — (если защита нужна) — автора въ преждевременномъ и нѣсколько опрометчивомъ обвиненіи въ подражательности. Не знаемъ успѣли ли мы въ этомъ. Мы сознаемся, — и г. Никитинъ конечно извинитъ насъ, — мы сознаемся, что великіе образцы нашей поэзіи конечно не могли не имѣть

вліянія на художественное образованіе нашего поэта; но главнымъ учителемъ его, по нашему мнѣнію, была та широкая, степная природа, которая окружала колыбель его, и тѣ грустныя, общественныя условія, которыми сопровождалось его дѣтство. При нихъ немного случалось читать ему, немного книгъ доставалось въ его руки, и если вдохновенные стихи Пушкина и Лермантова кое-когда западали въ его сердце, то сколько нужно было и поэтическаго настроенія и силы духа, чтобы они не заглохли подъ тяжестію и гнетомъ насущныхъ обстоятельствъ! — Nascuntur poëtæ! . . . .

Издатель.

С. Петербургъ, 8 Декабря 1855.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ

ВТОРОВУ

и

КОНСТАНТИНУ ОСИПОВИЧУ

АЛЕКСАНДРОВУ-ДОЛЬНИКУ

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ

I.

Когда, одинъ, въ минуты размышленья,
Съ природой я бесѣдую въ тиши, —
Я вѣрю: есть святое провидѣнье
И кроткій миръ для сердца и души;
И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь,
И Небесамъ невидимо молюсь,
И пѣснь пою и слезы проливаю. . .
И сладко мнѣ! и жаль мнѣ отдавать
На судъ людской восторги вдохновеній
И отъ толпы, какъ платы, ожидать
Пустыхъ похвалъ, иль горькихъ обвиненій.
Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ,
Я нахожу въ моей пустынѣ щастье;

Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ,
Стыжусь просить холоднаго участья;
Печаль моя застѣнчиво-робка, —
Въ родной груди скрываясь боязливо,
За пѣснь свою награды и вѣнка
Не требуетъ она самолюбиво.

1851.

II.

Тихо ночь ложится
На вершины горъ
И луна глядится
Въ зеркала̀ озеръ;

Надъ глухою степью,
Въ неизвѣстный путь,
Безконечной цѣпью
Облака плывутъ;

Надъ рѣкой широкой,
Сумракомъ покрытъ,
Въ тишинѣ глубокой
Лѣсъ густой стоптъ;

Свѣтлые заливы
Въ камышахъ блестятъ,
Неподвижно нивы
На поляхъ стоятъ;

Небо голубое
Весело глядитъ
И село большое
Беззаботно спитъ.

Лишь во мракѣ ночи,
Горе и развратъ
Не смыкаютъ очи,
Въ тишинѣ не спятъ.

1849.

III.

Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ:
Зимы–матушки кончился срокъ;
Съ юга гости летятъ караваномъ,
Настаетъ весны теплый денекъ.

Уберись, какъ невѣста цвѣтами,
И умой лицо первымъ дождемъ,
Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугомъ.

Посмотри: небеса надъ тобою
Развернулись шатромъ голубымъ,
Вьются бѣлыя тучки толпою,
Блещетъ солнце огнемъ золотымъ.

Вѣтерокъ тебя нѣжитъ, ласкаетъ,
Вѣетъ юною жизнію день,
И отъ тучекъ слегка пробѣгаетъ
По груди твоей длинная тѣнь.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Гнѣзда дѣтямъ своимъ будутъ вить,
Съ утра̀ до ночи пѣсни польются,
Станутъ гости до осени жить.

И растительной силы избыткомъ,
Какъ младенца любимаго мать,
Свѣжихъ соковъ здоровымъ напиткомъ
Ты начнешь траву щедро питать.

И трава на привольномъ просторѣ,
Шелкъ зеленыхъ кудрей разовьетъ,
По зарямъ сквозь дремоту, что море,
Съ вѣтромъ шопотъ и шумъ заведетъ.

Косари, помолясь предъ иконой,
Изъ далекихъ придутъ хуторовъ,
Огласятъ тебя пѣснью знакомой
И намечутъ душистыхъ стоговъ.

И тогда отдыхай беззаботно,
Погружайся въ глубокій свой сонъ;
Про тебя пѣснь сложу я охотно
И отдамъ тебѣ низкій поклонъ.

IV.

П О Л Е.

Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилось темно–синею гранью,
И въ небѣ прозрачномъ щитомъ золотымъ
Блестящее солнце сіяетъ надъ нимъ;
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ
И бѣлымъ туманомъ холмы одѣваетъ,
О чемъ–то, украдкой, съ травой говоритъ,
И смѣло во ржи золотистой шумитъ.
Одинъ я. . . и сердцу и думамъ свобода. . .
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ—природа.
И, кажется, жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,
Когда къ своей мощной, широкой груди
Она, какъ младенца, меня допускаетъ
И часть своей силы мнѣ въ душу вливаетъ.

V.

МОНАСТЫРЬ.

Крестомъ высокимъ осѣненный,
Вдали отъ селъ и городовъ,
Одинъ стоишь ты, окруженный
Густыми купами деревъ.

Вокругъ глубокое молчанье,
И только съ шелестомъ листовъ
Однообразное журчанье
Живыхъ сливается ручьевъ,

И вѣтерокъ прохладой вѣетъ,
И тѣнь бросаютъ дерева,
И живописно зеленѣетъ
Полянъ высокая трава.

О, какъ сыны твои щастливы!
Въ твоемъ безмолвіи святомъ

Они страстей своихъ порывы
Смирили бдѣньемъ и постомъ;

Ихъ сердце отжило для міра,
Умъ съ суетою незнакомъ,
Какъ-будто свѣтлый ангелъ мира
Ихъ осѣнилъ своимъ крестомъ,

И внемлетъ вѣчное Богъ-Слово,
Ихъ тяжкій трудъ благословивъ,
Святыхъ молитвъ живое слово
И гимновъ сладостный призывъ.

1849.

VI.

лѣсъ.

Шуми, шуми зеленый лѣсъ;
Знакомъ мнѣ шумъ твой величавый,
И твой покой, и блескъ небесъ
Надъ головой твоей кудрявой.
Я съ дѣтства понимать привыкъ
Твое молчаніе нѣмое,
И твой таинственный языкъ,
Какъ что-то близкое, родное.

Какъ я любилъ, когда, порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорилъ съ сильною грозой
Въ минуты страшной непогоды,
Когда большихъ твоихъ дубовъ
Вершины темныя качались
И сотни разныхъ голосовъ
Въ твоей глуши перекликались. . .

Или, когда свѣтило дня
На дальнемъ западѣ сіяло,
И яркимъ пурпуромъ огня
Твою одежду освѣщало.
Межь–тѣмъ, въ глуши твоихъ деревъ
Была ужь ночь, а надъ тобою
Цѣпь разноцвѣтныхъ облаковъ
Тянулась пестрою грядою.

И вотъ я снова прихожу
Къ тебѣ съ тоской моей безплодной,
Опять на сумракъ твой гляжу
И голосъ слушаю свободный.
И, можетъ быть, въ твоей глуши,
Какъ узникъ, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной.

VII.

н. д**.**

Не отравляй минутъ успокоенья
Болѣзненнымъ предчуствіемъ утратъ:
Таинственно Небесъ опредѣленье,
Но ихъ законъ ненарушимо святъ;

И если бы отъ самой колыбели
Страданіе досталося тебѣ, —
Какъ человѣкъ, своей высокой цѣли
Не забывай въ мучительной борьбѣ.

1849.

VIII.

* * * * * *
* * *

Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:
Есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ,
И въ блескѣ дня, и въ тишинѣ могилы,
Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
Въ торжественномъ покоѣ океана,
И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
И въ ужасѣ степнаго урагана,
Въ дыханіи прохладномъ вѣтерка,
И въ шелестѣ листовъ передъ зарею,
И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка
И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою.

1849.

IX.

ГРУСТЬ СТАРИКА.

Жизнь къ развязкѣ печально идетъ,
Сердце щастья и радостей проситъ,
А годовъ невозвратный полетъ
И послѣднюю радость уноситъ.
Охладѣла горячая кровь,
Беззаботная удаль пропала,
И не прежній разгулъ, не любовь, —
Въ душу горькая дума запала.
Все погибло подъ холодомъ лѣтъ,
Что когда–то отрадою было,
И надежды на щастіе нѣтъ,
И въ прпродѣ все стало уныло:
Лѣсъ, нахмурясь, какъ слабый старикъ,
Погруженный въ тяжелую думу,
Головою кудрявой поникъ,
Будто тужитъ о чемъ–то угрюмо;
Вѣтеръ съ тучею, съ синей волной

Рѣчь сердитую часто заводитъ,
Блѣдный мѣсяцъ надъ сонной рѣкой,
Одинокій, задумчиво бродитъ. . .
Въ годы прежніе, міръ былъ иной:
Какъ невѣста, земля убиралась,
Что камышъ, хлѣбъ стоялъ золотой,
Степь зеленымъ ковромъ разстилалась;
Лѣсъ привѣтно подъ тѣнь свою звалъ,
Вѣтеръ весело пѣлъ въ чистомъ полѣ,
По ночамъ ярко мѣсяцъ сіялъ,
Рѣки шумно катилися въ море.
И какъ пиръ, жизнь привольная шла,
Душа воли, простора просила,
Подъ грозою отвага была
И не знала усталости сила.
А теперь, тяжкой грустью убитъ,
Какъ живая развалина ходишь,
И душа по-неволѣ скорбитъ,
И слезу по-неволѣ уронишь.
И подумаешь, молча, порой:
Нѣтъ, старикъ, не бывалые годы,
Межь людьми ты теперь ужь чужой,
Лишній гость межь гостями природы.

1849.

X.

МРАМОРЪ.

Недвижимый мраморъ въ пустынѣ глухой
Лежалъ одиноко, обросшій травой;
Дожди въ непогоду его обмывали,
Да вольныя птицы на немъ отдыхали.
Но кто-то художнику молвилъ о немъ;
Взглянулъ онъ на мраморъ — и яркимъ огнемъ
Блеснули его вдохновенныя очи,
И взялъ онъ его, и безсонныя ночи
Надъ нимъ проводилъ онъ въ своей мастерской,
И камень подъ творческой ожилъ рукой.
Съ тѣхъ поръ, въ изумленьи, съ восторгомъ нѣмымъ,
Толпа преклоняетъ колѣна предъ нимъ.

1849.

XI.

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
О, какъ печальны эти дни
Съ ихъ пустотой однообразной!
Какъ долго тянутся они
Среди дѣйствительности . . . . . !
Какъ тяжело предузнавать
Ихъ безотрадную ничтожность
И лучшей доли невозможность
Заранѣ тайно сознавать! . . .
Но я привыкъ уже къ страданью
И къ этимъ долгимъ, жалкимъ днямъ,
Какъ узникъ къ тягостнымъ цѣпямъ
И вѣчному тюрьмы молчанью.

И вотъ, когда ночную тѣнь
Смѣнивъ, на землю утро взглянетъ,

Опять печальный, скучный день,
Однообразный день настанетъ;
Опять онъ много принесетъ
Съ собою горькихъ ощущеній,
Расчетовъ мелкихъ и заботъ,
И безполезныхъ размышленій.

1849.

XII.

ТИШИНА НОЧИ.

Въ глубинѣ бездонной,
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ.

Тускло освѣщенный
Блѣдною луной,
Городъ утомленный.
Смолкъ во тьмѣ ночной;

Спитъ онъ, очарованъ
Чудной тишиной,
Будто заколдованъ
Силой неземной.

Лишь объятъ дремотой,
Закричитъ порой

Сторожъ беззаботный
Въ улицѣ пустой.

Кажется, міръ сонной,
Полный сладкихъ грезъ,
Отдохнулъ спокойно
Отъ заботъ и слезъ.

Но взгляни: вотъ домикъ
Освѣщенъ огнемъ;
На столѣ покойникъ
Ждетъ могилы въ немъ.

Онъ, бѣднякъ голодный,
Утѣшенья чуждъ,
Кончилъ вѣкъ безплодный
Тайной жертвой нуждъ.

И скрестивши руки,
Ужаса полна,
Въ безотрадной мукѣ
Дочь его одна.

Вся какъ листъ трепещетъ
Подлѣ мертвеца,

То молитву шепчетъ,
То зоветъ отца.

И никто не знаетъ,
Что въ тоскѣ нѣмой
Сирота рыдаетъ
Въ тишинѣ ночной;

Что дитя забвенья,
Можетъ быть, она
Горечь униженья
Испытать должна.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Міръ заснулъ. . . и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

И межь–тѣмъ, какъ слезы
Молча горе льетъ,

Сладостныя грезы
Ночь другимъ даетъ.

Такъ же длится чудно
Въ мірѣ жизни пиръ,
Той же силы юной
Полонъ Божій міръ.

1849

XIII.

Молвы язвительной и дерзкой
Внимая ложный приговоръ,
Стыжусь отвѣтить бранью рѣзкой
На необдуманный укоръ.

Гоненья зритель равнодушный,
Я испыталъ уже давно,
Что злобѣ черни малодушной
Отвѣтъ — презрѣніе одно.

Пускай позоръ несправедливый
Она готовитъ мнѣ въ тиши, —
Грозу я встрѣчу терпѣливо
И сохраню покой души.

Моей невинности сознанье
И незапятнанная честь,
Незаслуженное страданье
Дадутъ мнѣ силы перенесть.

Я правъ, — и этого довольно,
И чтобы ни было со мной,
Я не унижусь добровольно
Передъ язвительной молвой:

Я не подамъ руки свободной
Ожесточенному врагу;
Скорѣй погибну благородно,
Но твердость воли сберегу.

1849.

XIV.

ПОХОРОНЫ.

Парчей покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ горящихъ дымъ:
Вотъ окончательная сцена,
Которой жизнь заключена!
Актеръ умолкъ; настала смѣна;
Завѣса смертью спущена.
Остался вѣковою тайной
Загробный жребій мертвеца,
И непонятенъ смыслъ печальной
Его холоднаго лица.
Что̀ въ немъ? Надежды выраженье,
Или сомнѣніе и страхъ,
Иль къ жизни прожитой презрѣнье,
Или вопросъ о небесахъ? . .
И какъ узнать зачѣмъ онъ жилъ,

Страдалъ, терпѣлъ и сокрушался?
Напрасно, можетъ быть, любилъ
И безполезно сомнѣвался?
Гдѣ зрѣлый плодъ его трудовъ,
Ума прекрасное созданье,
Оставленное для сыновъ,
Какъ благородное стяжанье?
Увы! быть можетъ онъ и самъ
Намъ не отвѣтилъ бы на это,
Какую роль на сценѣ свѣта
Игралъ онъ, рабствуя страстямъ! . .

1849

XV.

ПЕРЕМѢНА.

Была пора невинности щастливой
Когда свой умъ тревожный и пытливой
Я примирялъ съ дѣйствительностью злой
Святыхъ молитвъ горячею слезой;
Когда, дитя безпечное свободы,
Въ знакомыхъ мнѣ явленіяхъ природы
Величіе и мысль я находилъ,
И жизнь мою, какъ даръ Небесъ, любилъ.
Теперь не то: сомнѣніемъ томимый,
Я потерялъ свой миръ невозмутимый —
Единую отраду бытія,
И жизнь моя не радуетъ меня. . .
Бываютъ дни — измученный борьбою,
Въ тиши ночной, съ горячею мольбою
Склоняюсь я къ подножію креста;
Слова молитвъ твердятъ мои уста,
Но сердце тѣмъ словамъ не отвѣчаетъ

И мысль моя, Богъ знаетъ, гдѣ блуждаетъ,
И сладкихъ слезъ давно-минувшихъ лѣтъ
Ни на лицѣ, ни на глазахъ ужь нѣтъ. . .
Такъ, холодомъ темницы окруженный,
Скорбитъ порой преступникъ осужденный
И къ прежнимъ днямъ уносится мечтой;
Но бѣдняку лишь новое страданье
Приноситъ лѣтъ былыхъ воспоминанье.

1849.

XVI.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Въ зеркало влаги холодной
Мѣсяцъ спокойно глядитъ
И надъ землею безмолвной
Тихо плыветъ и горитъ.
Легкою дымкой тумана
Ясный одѣтъ небосклонъ;
Свѣтлая грудь океана
Дышетъ какъ-будто сквозь сонъ.

Медленно, ровно качаясь,
Въ гавани спятъ корабли;
Берегъ, въ водѣ отражаясь,
Смутно мелькаетъ вдали.

Смолкла дневная тревога. . .
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

1830.

XVII.

ДУБЪ.

Отъ темнаго лѣса далеко,
На почвѣ безплодно-сухой,
Дубъ старый стоитъ одиноко,
Какъ сторожъ пустыни глухой.

Стоитъ онъ и смотритъ угрюмо
Туда, гдѣ подъ сводомъ небесъ
Глубокую думаетъ думу
Знакомый давно ему лѣсъ;

Гдѣ братья его съ облаками
Ведутъ разговоръ по ночамъ,
И дивы приходятъ толпами
Кружиться по свѣжимъ цвѣтамъ.

Гдѣ вѣтеръ прохладою вѣетъ
И чудныя пѣсни поетъ,

И листъ молодой зеленѣетъ,
И птица на вѣткахъ живетъ.

А онъ, на равнинѣ песчаной
И пылью и мохомъ покрытъ,
Какъ-будто изгнанникъ печальной
О родинѣ милой груститъ;

Не знаетъ онъ свѣжей прохлады,
Не видитъ небесной росы,
И только — послѣдней отрады —
Губительной жаждетъ грозы.

1850.

XVIII.

ТАЙНОЕ ГОРЕ.

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждаго боится
И въ глубинѣ души одно,
Неизлечимое, таится;
Какъ будто червь въ груди больной
Цвѣтъ жизни точитъ понемногу,
И отравляетъ сонъ ночной,
И споритъ съ совѣстію строгой;
Улыбку холодомъ мертвитъ,
Сомнѣньемъ радость отравляетъ,
Отъ шума и толпы бѣжитъ,
И молча, слезы проливаетъ.
Но, гордость смѣлую храня,
Себѣ не проситъ состраданья,
И тайну своего огня
Не отдаетъ на поруганье,
И въ сердцѣ горькихъ слезъ родникъ,
Какъ преступленіе скрываетъ,
И подавляетъ страсти крикъ,
И стоны смѣхомъ заглушаетъ.

1850.

XIX.

ВЕЧЕРЪ.

Когда потухшій день смѣняетъ вечеръ сонный,
Я оставляю мой пріютъ уединённый
И голову свою усталую склонивъ,
Задумчиво иду подъ тѣнь плакучихъ ивъ.
Сажусь на берегу и, грустной думы полный,
Недвижимый, гляжу на голубыя волны,
И слушаю ихъ шумъ и жалобный призывъ
И съ жизнію моей я сравниваю ихъ. . .
Вдали передо мной душистый лугъ пестрѣетъ,
Колышется трава и жолтый колосъ зрѣетъ
И, тучныхъ пажитей обильные плоды,
Стоятъ соломою накрытые скирды;
За гибкимъ тростникомъ глубокіе заливы
Какъ зеркала блестятъ; на золотыя нивы
Спускается туманъ прозрачною волной,
И зарево зари сіяетъ надъ рѣкой.

И, кажется мнѣ, все какой–то дышетъ тайной,
И забываю я тогда свой день печальной,
Съ оставленнымъ трудомъ безъ жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и въ тишинѣ молюсь.

1850.

XX.

КЛЮЧЪ.

Въ глубокомъ ущельи, межь каменныхъ
плитъ,
Серебряный ключь одиноко звучитъ;
Звучитъ онъ и точитъ жемчужныя слезы
На черные корни засохшей березы,
И катятся съ камня тѣ слезы ручьемъ,
Безплодно теряясь въ ущельи глухомъ.
Давно ужь минули щастливые годы,
Когда онъ, любимецъ цвѣтущей природы,
Алмазныя брызги кругомъ разсыпалъ,
Когда его путникъ отрадою звалъ,
Когда деревà близь него выростали
И листья зеленые тихо шептали,
И самъ онъ, при свѣтѣ блестящей луны,
Разказывалъ чудныя были и сны.
Теперь, одинокій, заросъ онъ травою,
Сталъ скуденъ и мутенъ, и знойной порою

Къ нему не приходитъ пробитой тропой
Измученный путникъ за чистой водой.
Въ ту пору, какъ горы туманъ одѣваетъ,
Надъ нимъ, какъ бывало, теперь не играетъ
Сверкающій мѣсяцъ прозрачнымъ лучемъ
И звѣзды, какъ прежде, не смотрятся въ немъ.
Лишь старый скелетъ обнаженной березы
Глядитъ на его безполезныя слезы,
Да изрѣдка вѣтеръ къ нему прилетитъ
И съ нимъ, при мерцаніи звѣздъ, говоритъ
Про свѣтлыя рѣки и синее море,
Про славу ихъ въ свѣтѣ и жизнь на просторѣ.

1850.

XXI.

НОЧЬ.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ.
Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ одна за другой,
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой,
И вдругъ всѣ извивы рѣки между зеленью луга блеснули;
Вокругъ тишина и безлюдье: и поле и берегъ уснули;
Лишь мельницы старой колеса въ серебряной влагѣ шумятъ,
Да съ вѣтромъ волнистыя нивы, Богъ знаетъ о чемъ, говорятъ.

На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты
мокрыя сѣти;
Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ, вече-
ромъ, рѣзвыя дѣти
Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ
травѣ водяной
Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ
синей волной.
Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плы-
вутъ караваномъ,
Надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя лег-
кимъ туманомъ,
И къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь
легкій, прерывистый сонъ,
Тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной
музыкѣ волнъ.

1850.

XXII.

Когда закатъ прощальными лучами
Спокойныхъ водъ озолотитъ стекло,
И ляжетъ тѣнь ночная надъ полями,
И замолчитъ веселое село,
И на цвѣтахъ и на травѣ душистой
Блеснетъ роса, посланница небесъ,
И тканію тумана серебристой
Одѣнется темнокудрявый лѣсъ, —
Съ какою-то отрадой непонятной
На Божій міръ я въ этотъ часъ гляжу
И въ тишинѣ природы необъятной
Покой уму и сердцу нахожу;
И чужды мнѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души:
Мнѣ кажется, со мной въ уединеньи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

1855.

XXIII.

На западѣ солнце пылаетъ,
Багряное море горитъ:
Корабль одинокій, какъ птица,
По влагѣ холодной скользитъ.

Сверкаетъ струя за кормою,
Какъ крылья, шумятъ паруса;
Кругомъ неоглядное море
И съ моремъ слились небеса.

Безпечно веселую пѣсню
Задумавшись кормчій поетъ,
А черная туча на югѣ,
Какъ дымъ отъ пожара встаетъ.

Вотъ буря. . . и море завыло.
Умолкъ беззаботный пѣвецъ;
Огнемъ его вспыхнули очи:
Теперь онъ и царь и боецъ!

Вотъ здѣсь узнаю человѣка
Въ лицѣ побѣдителя волнъ,
И какъ–то отрадно мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

1851.

XXIV.

ДИТЯТИ.

Не знаешь ты тоски желаній:
Прекрасенъ миръ твоей весны,
И тихи, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны.

Но вѣрь, покой твой мимолётный
Разрушитъ опыта гроза,
И смѣнитъ смѣхъ твой беззаботный
Печали тайная слеза.

Тогда, быть можетъ, въ буряхъ свѣта,
Тебѣ не разъ напомнитъ умъ
Твои безоблачныя лѣта
И юныхъ игръ веселый шумъ.

1851.

XXV.

ЮГЪ И СѢВЕРЪ.

Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ въ сумракѣ садовъ уединенныхъ,
Сіяющей луной осеребренныхъ,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтанный дождь надъ сочною травой;
Гдѣ статуи безмолвствуютъ угрюмо,
Объятыя невыразимой думой;
Гдѣ говорятъ такъ много о быломъ
Развалины, покрытыя плющомъ;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ рощи кипарисной;
Гдѣ все быстрѣй и зрѣетъ и цвѣтетъ;
Гдѣ жизни пиръ безпечнѣе идетъ.

Но мнѣ милѣй роскошной жизни Юга
Сѣдой зимы полуночная вьюга,
Морозъ и вѣтръ и грозный шумъ лѣсовъ,
Дремучій боръ по скату береговъ,
Просторъ степей, и небо надъ степями
Съ громадой тучь и яркими звѣздами.
Глядишь кругомъ, — все сердцу говоритъ:
И деревень однообразный видъ,
И городовъ обширныя картины,
И снѣжныя, безлюдныя равнины,
И удали размашистый разгулъ,
И русскій духъ, и русской пѣсни гулъ,
То глубоко-безпечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой. . .
Глядишь вокругъ — и на душѣ легко,
И зрѣетъ мысль такъ вольно, широко,
И сладко пѣснь въ честь родины поется,
И кровь кипитъ, и сердце гордо бьется,
И съ радостью внимаешь звуку словъ:
«Я Руси сынъ! здѣсь край моихъ отцовъ!»

1851.

XXVI.

РУСЬ.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ —
Вижу — даль степей
Зеленѣется,

И на граняхъ пхъ,
Выше темныхъ тучь,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ, въ моря,
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ:
Нивы зрѣлыя,

Что̀ камышъ густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу:
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что̀ бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную. . .

Это ты, моя
Русь державная,

Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной,
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
Про-запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?

Кому въ черный день
Низко кланялась?

На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра–земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ

Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!

Но лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань —
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь.

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости на вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали! . . .

И теперь среди
Городовъ твоихъ

Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ къ тебѣ
Корабли идутъ.

И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота.

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужь и есть за что̀,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

1851.

XXVII.

* * * * *
* * * *

Бываютъ свѣтлыя мгновенья,
Когда за грань тревогъ земныхъ,
Плотскаго чуждый тяготѣнья,
Умъ переносится на мигъ.

Когда пророческихъ видѣній
Святою силой вдохновенъ,
Судьбу грядущихъ поколѣній
Предузнаетъ онъ въ мглѣ временъ;

Когда онъ съ истины подъемлетъ
Покрова темнаго края
И слову Бога жадно внемлетъ
Въ великой книгѣ бытія. . .

Но только пламень вдохновенья
Начнетъ въ груди ослабѣвать,

Опять земныя впечатлѣнья
Умъ утомленный тяготятъ;

Опять тревога жизни . . . .
Ничтожной мелочью заботъ
И нищетою безобразной
Невольно сердце потрясётъ. . .

И снова съ грустію тяжелой
На міръ внимательно глядишь,
И подъ улыбкою веселой
Тоску глубокую таишь.

1851.

XXVIII.

Суровый холодъ жизни строгой
Спокойно я переношу
И у Небесъ дороги новой
Въ часы молитвы не прошу.

Отраду тайную находитъ
И въ самой грусти гордый умъ:
Такъ часто моря стонъ и шумъ
Насъ въ восхищеніе приводитъ.

Къ борьбѣ съ судьбою я привыкъ,
Окрѣпъ подъ бурей искушеній:
Она высокихъ думъ родникъ,
Причина слезъ и вдохновеній.

1852.

XXIX.

п ѣ в ц у.

Не пой о щастіи, пѣвецъ, не утѣшай
Себя забавою ничтожной;
Пусть это щастіе невозмутимый рай —
Оно въ нашъ вѣкъ лишь призракъ ложной.
Пусть пѣснь твоя звучна — она одинъ обманъ
И обольстительныя грезы:
Она не исцѣлитъ души глубокихъ ранъ
И не осушитъ сердца слезы.

Взгляни, какъ наша жизнь лѣнивая идетъ
И скучно и однообразно,
Запечатлѣнная тревогою заботъ
Одной дѣйствительности важной;
Взгляни на всѣ плоды, которые въ нашъ вѣкъ
Собрать доселѣ мы успѣли,
На все, чѣмъ окруженъ и занятъ человѣкъ
До позднихъ лѣтъ отъ — колыбели.

Вездѣ откроешь ты печальные слѣды
Ничтожества, иль ослѣпленья,
Причины тайныя безсмысленной борьбы
Нетвердой вѣры и сомнѣнья,
Замѣтишь грубаго ничтожества печать,
Добра и чести оскорбленье,
Безсовѣстный расчетъ, обдуманный развратъ,
Или природы искаженье.

И многое прочтетъ внимательный твой взоръ
Въ страницахъ ежедневной жизни. . .
И этотъ ли слѣпой, общественный позоръ
Оставишь ты безъ укоризны?
И не проснется вмигъ въ тебѣ свободный духъ
Глубокаго негодованья?
И ты, земной пророкъ и правды смѣлый другъ,
Не вспомнишь своего призванья?

О, нѣтъ! не пой, пѣвецъ, о щастіи пустомъ
Въ годину нашего позора!
Пусть пѣснь твоя межь насъ, какъ правосудный громъ,
Раздастся голосомъ укора!

Пусть умъ нашъ пробудитъ и душу потрясетъ
Твое пророческое слово,
И сердце холодомъ и страхомъ обольетъ,
И воскреситъ для жизни новой!

1852.

XXX.

РАЗВАЛИНЫ.

Какъ безъименная могила
Давно забытаго жильца,
Лежатъ въ пустынѣ молчаливой
Обломки стараго дворца.
Густою пылію покрыла
Рука столѣтій камни стѣнъ,
И фантастическихъ письменъ
На нихъ фигуры начертила.
Тяжелый сводъ упасть готовъ,
Карнизъ массивный обвалился,
И дикій плющь вокругъ столбовъ
Живой гирландою обвился,
И моха желтаго узоръ,
Однообразно испещрённый,
Покрылъ разбитыя колонны,
Какъ чудно-вытканный коверъ.

Чье это древнее жилище,
Пустыни грустная краса?
Надъ нимъ такъ свѣтлы небеса —
Оно печальнѣе кладбища!
Гдѣ эти люди съ ихъ страстями
И позабытымъ ихъ трудомъ?
Гдѣ безъименный, старый холмъ,
Надъ ихъ истлѣвшими костями? . .

Была пора, здѣсь жизнь цвѣла,
Пороки, можетъ быть, скрывались,
Иль благородныя дѣла
Рукою твердой совершались.
И, можетъ быть, среди пировъ,
Пѣвецъ, въ минуты вдохновенья,
Здѣсь пѣлъ о доблестяхъ отцовъ
И плакалъ, полный умиленья;
И пѣснямъ сладостнымъ его
Въ восторгѣ гости удивлялись,
И дружно кубки вкругъ него
Въ честь славныхъ дѣдовъ наполнялись.
Теперь все тихо . . . нѣтъ слѣда
Минувшей жизни. Небо ясно,
Какъ и въ протекшіе года,
Земля цвѣтущая прекрасна. . .

А люди? . . . . Этотъ вѣтерокъ,
Пустыни житель одинокой,
Разноситъ, можетъ быть, далеко
Съ ихъ прахомъ смѣшанный песокъ! . .

1852.

XXXI.

КЛАДБИЩЕ.

Какъ часто я съ глубокой думой
Вокругъ могилъ одинъ брожу
И на курганы ихъ гляжу
Съ тоской тяжелой и угрюмой.
Какъ больно мнѣ, когда, порой,
Могильщикъ, грубою рукой
Гробъ новый въ землю опуская,
Стоитъ съ осклабленнымъ лицомъ
Надъ безотвѣтнымъ мертвецомъ,
Святыню смерти оскорбляя.
Или когда въ травѣ густой,
Остатокъ жалкій разрушенья,
Вдругъ черепъ я найду сухой,
Престолъ ума и вдохновенья,
Лишенный чести погребенья.
И пораженъ и недвижимъ,
Сомнѣнья холодомъ облитый,

Я мыслю, скорбію томимъ,
Надъ жертвой тлѣнія забытой:
Кто васъ въ сонъ вѣчный погрузилъ
Земли невѣдомые гости
И ваши брошенныя кости
Съ живою плотью разлучилъ?
Какъ ваше вѣчное молчанье
Намъ безошибочно понять:
Ничтожества-ль оно печать,
Или печать существованья?
Въ какой загадочной странѣ
Невидимой и неизвѣстной,
Здѣсь кости положивъ однѣ,
Витаетъ духъ вашъ безтѣлесной?
Чѣмъ занятъ онъ въ міру иномъ?
Что онъ, безстрастный, созерцаетъ?
И помнитъ ли онъ о земномъ,
Иль все за гробомъ забываетъ?
Бытъ-можетъ, небомъ окружонъ,
Жилецъ божественнаго свѣта,
Какъ на песчинку, смотритъ онъ
На нашу бѣдную планету;
Иль, можетъ–быть, сложивъ съ себя
Свои тѣлесныя оковы,
Безъ нихъ другаго бытія

Не отыскалъ онъ въ мірѣ новомъ.
Быть можетъ, все, чѣмъ мы живемъ,
Чѣмъ умъ и сердце утѣшаемъ,
Землѣ, какъ жертву, отдаемъ
И въ ней одной похороняемъ. . .
Нѣтъ! прочь безплодное сомнѣнье!
Я вѣрю истинѣ святой, —
Святымъ глаголамъ Откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мнѣ въ часы страданья
Припоминать, порой, въ тиши,
Загробное существованье
Неумирающей души.

1852.

XXXII.

СТЕПНАЯ ДОРОГА.

Спокойно небо голубое;
Одно въ бездонной глубинѣ,
Сіяетъ солнце золотое
Надъ степью въ радужномъ огнѣ;
Горячій вѣтеръ наклоняетъ
Траву волнистую къ землѣ,
И даль въ полупрозрачной мглѣ,
Какъ въ млечномъ морѣ, утопаетъ;
И надъ душистою травой,
Палящимъ солнцемъ разрѣжённый,
Струится воздухъ благовонный
Неосязаемой волной.
Гляжу кругомъ: все та–жь картина,
Все тотъ–же яркій колоритъ.
Вотъ слышу, — тихо надъ равниной
Трель музыкальная звучитъ:
То жаворонокъ одинокой,

Кружась въ лазурной вышинѣ,
Поетъ надъ степію широкой
О вольной жизни и веснѣ.
И степь той пѣсни переливамъ,
И безотвѣтна и пуста,
Въ забытьи внемлетъ молчаливомъ,
Какъ безмятежное дитя;
И спрятавшись въ коврахъ зелёныхъ,
Цвѣтовъ вдыхая ароматъ,
Милльоны легкихъ насѣкомыхъ
Неумолкаемо жужжатъ.

О степь! люблю твою равнину
И чистый воздухъ и просторъ,
Твою безлюдную пустыню,
Твоихъ ковровъ живой узоръ,
Твои высокіе курганы,
И золотистый твой песокъ,
И перелетный вѣтерокъ
И серебристые туманы. . .
Вотъ полдень. . . жарки пебеса. . .
Иду одинъ. Передо мною
Дороги пыльной полоса
Вдали раскинулась змѣею.
Вотъ надъ оврагомъ, близъ рѣки,

Цыгане таборъ свой разбили,
Кибитки въ кругъ постановили
И разложили огоньки;
Одни обѣдъ приготовляютъ
Въ котлахъ, наполненныхъ водой;
Другіе на травѣ густой,
Въ тѣни кибитокъ, отдыхаютъ,
И тутъ же смирно, съ ними въ рядъ,
Ихъ псы косматые лежатъ,
И съ крикомъ прыгаетъ, смѣется
Толпа оборванныхъ дѣтей
Вкругъ загорѣлыхъ матерей;
Вдали табунъ коней пасется. . .
Ихъ миновалъ — и тотъ же видъ
Вокругъ меня и надо мною;
Лишь дикій коршунъ надъ травою
Порою въ воздухѣ кружитъ,
И такъ же лентою широкой
Дорога длинная лежитъ,
И такъ же солнце одиноко
Въ прозрачной синевѣ горитъ.
Вотъ день сталъ гаснуть... вечеретъ...
Вотъ поднялись издалека
Грядою длинной облака,
Въ пожарѣ западъ пламенѣетъ,

Вся степь, какъ спящая краса,
Румянцемъ розовымъ покрылась,
И потемнѣли небеса,
И солнце тихо закатилось.
Густѣетъ сумракъ. . . вѣтерокъ
Пахнулъ прохладою ночною,
И надъ уснувшею землею
Зарницы вспыхнулъ огонёкъ.
И величаво мѣсяцъ полный
Изъ–за холмовъ далекихъ всталъ,
И надъ равниною безмолвной
Какъ чудный свѣточъ засіялъ. . .
О, какъ божественно–прекрасна
Картина ночи средь степи,
Когда торжественно и ясно
Горятъ небесные огни,
И степь, раскинувшись широко,
Въ туманѣ дремлетъ одиноко,
И только слышится вокругъ
Необъяснимый жизни звукъ.
Брось посохъ, путникъ утомленный,
Тебѣ не надобно двора;
Здѣсь твой ночлегъ уединенный,
Здѣсь отдохнешь ты до утра;

Твоя постель — цвѣты живые,
Трава пахучая — коверъ,
А эти своды голубые,
Твой раззолоченный шатеръ.

1853.

XXXIII.

ХУДОЖНИКУ.

Я знаю часъ невыразимой муки,
Когда одинъ, въ сомнѣніи нѣмомъ,
Сложивъ крестомъ ослабнувшія руки,
Ты думаешь надъ мертвымъ полотномъ;
Когда ты кисть упрямую бросаешь
И, голову свою склонивъ на грудь,
Твоихъ идей невыразимый трудъ
И жалкое искуство проклинаешь.
Проходитъ гнѣвъ — и творческою силой
Твоя душа опять оживлена,
И, все забывъ, съ любовью терпѣливой
Ты день и ночь сидишь близь полотна.
Оконченъ трудъ. Толпа тебя вѣнчаетъ
И похвала вокругъ тебя шумитъ,
И клевета, въ смущеніи, молчитъ,
И все вокругъ колѣна преклоняетъ.
А ты, бѣднякъ! поникнувши челомъ,
Стоишь одинъ, съ тоскою подавленной,
Не находя въ созданіи своемъ
Ни красоты, ни мысли воплощенной.

1853.

XXXIV.

* * *

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебѣ меня любить.
Я не хочу безжалостно сгубить
Спокойствіе твоей невинной жизни.
Я все готовъ тебѣ, мой другъ, отдать
И щастіе твое купить моимъ страданьемъ, —
Но выше силъ моихъ соединять
Твою судьбу съ моимъ существованьемъ!
Чѣмъ заплачу, что дамъ тебѣ взамѣнъ
За миръ души и дѣвственныя грезы?
Безплодный рядъ, быть-можетъ, грустныхъ сценъ
И никому невидимыя слезы. . .
Ты знаешь ли всю жизнь мою вполнѣ,
Все зло ея дѣйствительности. . .
И горечь нуждъ, знакомыхъ съ дѣтства мнѣ,
И скорбь моей тоски однообразной?

Такою ли дорогой проходить
Тебѣ, мой другъ, незнавшей огорченій,
И цѣлый вѣкъ мнѣ въ жертву приносить
Безпечный міръ забавъ и наслажденій!
И что̀ въ тотъ день, измученный тоской,
Въ свое тебѣ скажу я оправданье,
Когда ты мнѣ упрекомъ и слезой
Отвѣтишь вдругъ на ласки и лобзанье?
Нѣтъ, этихъ жертвъ я не хочу принять!
Но кто-жь меня безчувствію научитъ
И наконецъ заставитъ позабыть
Все, что меня и радуетъ и мучитъ,
Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ и горя и лишеній,
Единая отрада и оплотъ, —
Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?

1853.

XXXV.

ЗАСОХШАЯ БЕРЕЗА.

Въ глуши, на почвѣ раскаленной,
Береза старая стоитъ;
Въ ея вершинѣ обнаженной
Зеленый листъ не шелеститъ.

Кругомъ сливаясь съ небесами,
Полуодѣтыми въ туманъ,
Пестрѣетъ чудными цвѣтами
Волнистой степи океанъ.

Курганы ярко зеленѣютъ,
Росу приносятъ вечера,
Прохладой тихой ночи вѣютъ
И пышетъ заревомъ заря.

Но беззащитная береза
Глядитъ съ тоской на небеса

И на вѣтвяхъ ея, какъ слезы,
Сверкаетъ чистая роса;

Далеко бурею суровой
Ея листы разнесены,
И нѣтъ для ней одежды новой
И благодѣтельной весны.

1853.

XXXVI.

* * * * * *
* * *

Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей
И тишина безжизненныхъ полей,
Одѣтыя сырымъ туманомъ степи,
И облаковъ неправильныя цѣпи,
Холодное сіяніе небесъ
И пнеемъ о серебренный лѣсъ!

Привѣтъ мой вамъ, морозъ и непогода!
Теперь, вдали отъ шума и народа,
Въ часы ночей, за сладостнымъ трудомъ,
Въ моемъ углу и скромномъ и спокойномъ
И тишиной глубокой окружённомъ,
Я отдохну и сердцемъ и умомъ.

Пускай сыны тщеславія и лѣни,
Поклонники мгновенныхъ наслажденій,
Изысканность забавъ своихъ любя,

Въ нихъ радости находятъ для себя,
И на алтарь непостоянной моды
Несутъ, какъ дань, часы своей свободы.

Милѣе мнѣ мой уголокъ простой,
Божественной иконы ликъ святой,
И передъ нимъ горящая лампада,
И тихій трудъ, души моей отрада:
Здѣсь все, къ чему привыкъ я съ давнихъ поръ
Что любитъ мой неприхотливый взоръ.

Мнѣ кажется: живу я въ мірѣ новомъ,
Когда одинъ, въ безмолвіи суровомъ,
Забывъ весь шумъ заботливаго дня,
Недвижимый, сижу я близь огня
И лѣтопись минувшаго читаю,
И скромный стихъ задумчиво слагаю.

И грустно мнѣ, когда дневной разсвѣтъ
Меня отъ думъ любимыхъ оторветъ;
Когда рука дѣйствительности строгой
Укажетъ мнѣ печальную дорогу,
И все мое вниманье поглотитъ,
И всѣ мои восторги умертвитъ.

1853.

XXXVII.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Невидимой цѣпью
Жизнь связана тѣсно
Съ таинственной смертью.
И въ самомъ началѣ
Зародыша жизни
Сокрыта возможность
Его разрушенья,
И въ жалкихъ остаткахъ
Ничтожнаго праха
Таятся начала
Для будущей жизни. . .
Такъ годы проходятъ
И цѣлые вѣки,
И все поглощаетъ
Могущество смерти,
Всегда оставаясь
Источникомъ жизни; —

И такъ существуетъ
Доселѣ природа,
Служа колыбелью
И вмѣстѣ могилой.

1833.

XXXVIII.

УСПОКОЕНІЕ.

О, умъ мой холодный!
Зачѣмъ, уклоняясь
Отъ кроткаго свѣта
Божественной вѣры,
Ты гордо блуждаешь
Во мракѣ сомнѣнья?
Отвѣть, если можешь:
Кто далъ тебѣ силу
Разумной свободы
И къ истинамъ вѣчнымъ
Любовь и влеченье?
Кто плотью животной
Покрылъ мнѣ такъ чудно
Скелетъ обнаженный,
Наполнилъ всѣ жилы
Горячею кровью,
Далъ каждому нерву

Свое назначенье
И сердце заставилъ
Впервые забиться,
Дотоль ему чуждой,
Невѣдомой жизнью?
Кто далъ тебѣ средство
Чрезъ малую точку
Подвижнаго ока
Усвоивать знанье
О видимомъ мірѣ?
И какъ назовешь ты
Тотъ духъ въ человѣкѣ,
Который стремится
За грани земнаго,
Съ сознаньемъ свободы
И сильнымъ желаньемъ
Познаній и блага?
Который владѣетъ
Порывами сердца,
Одинъ торжествуетъ
Въ страданіяхъ тѣла,
Законы природы
Себѣ подчиняя? . . .
Кто далъ это свойство
Цвѣтущей природѣ, —

Что въ ней разрушенье
Единаго тѣла
Бываетъ началомъ
Для жизни другаго?
Кто этотъ Художникъ,
Рукой всемогущей
Въ цвѣткѣ заключившій
Цѣлебную силу
И ядъ смертоносный,
И яркія краски,
И тѣни и запахъ? . . .
Смирись же и вѣруй,
О умъ мой надменный:
Законы вселенной
И смерь и рожденье
Живущаго въ мірѣ,
И мощная воля
Души человѣка
Даютъ мнѣ постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро.

1853.

XXXIX.

Кое изобиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имже трудится подъ солнцемъ: родъ преходитъ, и родъ приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ.

Екклесіаста, гл. I. ст. 3 и 4.

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный,
Изъ неизвѣстныхъ намъ началъ,
Образовался непонятно
И бытіе свое началъ, —
Событій зритель величавый,
Какъ много видѣлъ онъ одинъ
Борьбы добра и зла и славы
И разрушенія картинъ!
Какъ много царствъ и поколѣній,
И вдохновеннаго труда,
И геніальныхъ наблюденій
Похоронилъ онъ на всегда! . . .
И вотъ теперь, какъ и тогда,
Природа вѣчная сіяетъ:

Надъ нею бури и года,
Какъ тѣни легкія мелькаютъ.
И между-тѣмъ какъ человѣкъ,
Земли развѣнчанный владыка,
Въ цѣпяхъ страстей кончаетъ вѣкъ,
Безъ цѣли ясной и великой, —
Все также — блещутъ небеса,
И стройно движутся планеты,
И яркой зеленью одѣты
Непроходимые лѣса;
Цвѣтутъ луга, поля и степи,
Моря глубокія шумятъ,
И горъ заоблачныя цѣпи
Въ снѣгахъ нетающихъ горятъ.

1831.

XL.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

Измученный жизнью суровой,
Неразъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.
Какъ дышатъ святые ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они! . . .
Здѣсь все въ чудно-сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ,
И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина и цѣль и конецъ,
И Вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ и терновый вѣнецъ.

Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И плакать и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!

1853.

XLI.

МОЛИТВА ДИТЯТИ.

Молись дитя: въ устахъ младенца
Молитва, чуждая страстей,
Какъ голосъ радостнаго сердца,
И чище вѣрой и святѣй.

Молись дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, свѣтлый ангелъ мира
Всѣ эти слезы соберетъ,
И ихъ изъ чувственнаго міра
Къ престолу Бога отнесетъ. . .

О, еслибъ послѣ многихъ лѣтъ,
Въ часы молитвы, со слезами,

Взглянуло ты на Божій свѣтъ
Такими–жь свѣтлыми очами.

Но если дѣтства чистота
Когда нибудь тебя оставитъ,
И горькой жизни нагота
Тебя на жизнь роптать заставитъ, —

Въ тѣ дни къ подножію креста
Приникни съ дѣтскою любовью,
И твердой вѣры чистота
Здѣсь примиритъ тебя съ собою.

Здѣсь ангелъ дѣтства твоего
Къ тебѣ опять слетитъ незримо
И о тебѣ Творцу всего
Молиться станетъ невидимо.

1853.

XLII.

* * * * * *
* * *

Я помню щастливые годы,
Когда безпечно и шутя,
Безукоризненной свободой
Я наслаждался какъ дитя;

Когда въ тиши уединенья,
Какъ воплощенный херувимъ,
Тревогой горя и сомнѣья
Я не былъ мучимъ и томимъ.

Съ какимъ восторгомъ непонятнымъ
Тогда часъ утра я встрѣчалъ,
Когда надъ полемъ необъятнымъ
Востокъ безоблачный пылалъ,

И серебристыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,

Надъ благовонными лугами
Паровъ вставали облака!

Съ какою дѣтскою отрадой
Глядѣлъ я на кудрявый лѣсъ,
Весенней дышущій прохладой,
На сводъ сіяющихъ небесъ,

На тихо спящіе заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ,
На блескъ и тѣнь волнистой нивы
И на узоры облаковъ. . .

То были дни святой свободы,
Очарованья и чудесъ
На лонѣ мира и природы,
То на землѣ былъ рай небесъ!

Пришла пора. . . иныя строки
Въ страницахъ жизни я прочелъ,
И въ нихъ тяжелые уроки
Уму и сердцу я нашелъ.

О, еслибъ въ пору перехода
Изъ дѣтства въ зрѣлые года,

Широкій путь моя свобода
Нашла для скромнаго труда!

Согрѣтый мыслію живою,
Какъ гражданинъ и человѣкъ,
Быть можетъ, свѣтлою чертою
Тогдабъ отмѣтилъ я свой вѣкъ!

Но горекъ жребій мой суровый!
И много силъ я схоронилъ,
Пока дорогу жизни новой,
Средь зла и грязи, проложилъ!

И грустно мнѣ, и стыдно вспомнить
Ничтожность прожитыхъ годовъ:
Чтобъ пустоту ихъ всю пополнить,
Отдать полжизни-бъ я готовъ!

Но дни идутъ, идутъ безплодно. . .
И больно мнѣ, что и теперь
Одною мыслью благородной
Я не загладилъ ихъ потерь!

Что въ массу общаго познанья
Другимъ взыскательнымъ вѣкамъ,

Какъ весь итогъ существованья,
Я ничего не передамъ

И одинокій, безъ значенья,
Какъ лишній гость въ пиру чужомъ,
Ничтожной жертвою забвенья
Умру въ краю моемъ родномъ!

1853.

XLIII.

* * *

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ непзвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ,
И пѣсни грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоцѣнный кладъ, таилъ и сберегалъ,

Быть можетъ, силой чувствъ и мыслію глубокой
Я струнъ одушевить не могъ и не успѣлъ:
Никѣмъ незнаемый, съ лѣтъ раннихъ одинокой,
Какъ птица вольная, я безъ искуства пѣлъ.

И пѣснь слагалася легко и беззаботно,
Какъ ни былъ тѣсенъ міръ, гдѣ возмужалъ мой умъ,

Со мною говорилъ и вѣтеръ перелетный,
Я понималъ лѣсовъ, и волнъ, и вьюги шумъ.

И все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣдной, —
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачь нужды оборванной и блѣдной, —
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ!
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья
И долю горькую завидной почиталъ.

За даръ свой въ этотъ мигъ благодарилъ я Бога,
Казался раемъ мнѣ мой темный уголокъ,
Тогда какъ за стѣной, и пьяная тревога
Была подлѣ меня, и шелъ о рынкѣ толкъ ..

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновенный,
Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши,

И чувства лучшія, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной!

И больно слышать мнѣ, когда мой скромный стихъ,
Проникнутый огнемъ и мыслей благородной,
Перетолкованный, звучитъ въ устахъ чужихъ,
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный, холодный. . .

И странны мнѣ языкъ двусмысленныхъ похвалъ
И толки смѣлые судей самолюбивыхъ,
И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко-молчаливыхъ,
Когда одинъ, въ глуши, я пѣснь свою слагалъ.

1853.

XLIV.

ПОЭТУ.

Не говори, что жизнь ничтожна,
Сперва въ глубокой тишинѣ
Неизучивши осторожно
Ея значенія вполнѣ.

Оставь печальное сомнѣнье:
Ума неопытнаго плодъ,
Оно въ минуты вдохновенья,
Твои восторги осмѣетъ.

Повѣрь, на праздникъ жизни шумной,
Наслѣдникъ будущій небесъ,
Не даромъ ты, какъ гость разумный,
Дары высокіе принесъ;

Не даромъ въ звуки пѣснопѣній
Ты чувства сердца перелилъ

И фантастическихъ видѣній
Край заколдованный открылъ.

Взгляни кругомъ: не для тебя ли,
Художникъ, полный юныхъ силъ,
Дитя сомнѣнья и печали,
Весь міръ сокровища раскрылъ.

Не для тебя ли небо блещетъ,
И звѣзды радужно горятъ
И музыкально море плещетъ,
Лѣса дремучіе мумятъ,

И разноцвѣтными коврами
Лежатъ широкія поля,
И съ голубыми небесами
Степей сливаются края,

Въ туманѣ бѣломъ тонутъ горы,
И очаровываютъ взоръ
Долинъ роскошные узоры,
Луговъ приволье и просторъ.

Пойми, что̀ шепчетъ спѣлый колосъ
И вѣтерокъ о чемъ шумитъ,

И не тебѣ ль ихъ чудный голосъ
О тайнахъ жизни говоритъ. . .

Нѣтъ, не суди о жизни строго!
Повѣрь, прекрасное любя,
Ты въ ней всегда отыщешь много
Отрады новой для себя.

Умѣй изъ груды безобразной
Картину стройную создать
И положить на слѣпокъ грязной
Живаго творчества печать: —

И ты поймешь свое призванье
Въ минуты свѣтлыя труда,
И выше своего страданья
Себя поставишь навсегда,

И безполезныя сомнѣнья
Въ тебѣ въ ту пору замолчатъ,
И слезы, слезы вдохновенья
Тебя за трудъ вознаградятъ! . . . . .

1853.

XLV.

пѣсня.

Зашумѣла, разгулялась
Въ полѣ непогода;
Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
Гладкая дорога.

Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась,
Не осталось слѣду,
Поднялася пыль и вьюга
Не видать и свѣту.

Да удалому дѣтинѣ
Буря не забота:
Онъ проложитъ путь-дорогу,
Лишь была-бъ охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальній путь и вьюга,

Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса–подруга.

Ужь какъ встрѣтитъ она гостя
Утренней зарею,
Обойметъ его стыдливо
Бѣлою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубитъ. . . .
Вспыхнетъ онъ: и холодъ ночи
И весь свѣтъ забудетъ.

1853.

XLVI.

ВОЙНА ЗА ВѢРУ.

Какъ волны грозныя, встаютъ сыны Востока,
Народный фанатисмъ муллами подозженъ,
Толпы мятежниковъ подъ знамена пророка,
Съ надеждой грабежа, сошлись со всѣхъ сторонъ.
Языческихъ временъ воскресъ театръ кровавый,
Глумится надъ крестомъ безумство мусульманъ,
И смотрятъ холодно великія державы
На униженіе и казни христіанъ.
За слезы ихъ и кровь нѣтъ голоса и мщенья!
Отъ бѣдныхъ матерей отъятые сыны
Въ рабы . . . . . проданы
И въ пламени горятъ нещастныя селенья. . .
Скажите намъ, враги поклонниковъ креста:

За чѣмъ оскорблены храмъ истиннаго Бога
И древней Греціи священныя мѣста,
Когда жидовская спокойна синагога?
Когда мятежниковъ, безчестія сыновъ,
Орудіе крамолъ, тревогъ и возмущенья,
Не заклеймили вы печатію презрѣнья,
Но дали ихъ толпамъ гостепріимный кровъ?
Скажите намъ враги Руси миролюбивой:
Ужель вы лучшаго предлога не нашли,
Чтобы извлечь свой мечь въ войнѣ неспра-
ведливой
И положить свой прахъ въ поляхъ чужой
земли?
Ужель чужихъ умовъ холодное коварство
Васъ въ жалкихъ палачей умѣло обратить
И для безславія жестокаго тиранства
Народныя права заставило забыть?
Ужели въ лѣтопись родной своей отчизны
Не стыдно вамъ внести свой собственный
позоръ,
Потомковъ заслужить суровый приговоръ
И современниковъ живыя укоризны?
Иль духа рускаго досель вы не узнали?
Иль неизвѣстно вамъ, какъ Сѣвера сыны
За оскорбленіе родной своей страны

По слову Царскому милльонами вставали?
Вамъ хочется борьбы! но страшенъ будетъ споръ
За древнія права, за честь Руси державной:
Мы вашей кровію скрѣпимъ нашъ договоръ—
Свободу христіанъ и вѣры православной!
Мы вновь напомнимъ вамъ героевъ Рымника,
И ужасъ чесменскій, и славный бой Кагула,
И грозной силою холоднаго штыка
Смиримъ фанатиковъ надменнаго Стамбула!
Впередъ, святая Русь! Тебя зоветъ на брань
Народа твоего поруганная вѣра!
Съ тобой и за тебя молитвы христіанъ!
Съ тобой и за тебя Святая Матерь-Дѣва!
Придетъ пора, — ее недолго ждать, —
Оцѣнятъ твой порывъ, поймутъ твой подвигъ громкій,
И будетъ свѣтъ тебѣ рукоплескать,
И позавидуютъ тебѣ твои потомки.

1853.

XLVII.

СТАРИКЪ ДРУГОЖЕНЕЦЪ.

Удружилъ ты мнѣ, сватъ, молодою женой!
Стала жизнь мнѣ и радость–не въ радость:
День и ночь ни–за–что она споритъ со мной
И бранитъ мою бѣдную старость;
Судитъ добрыхъ людей, малыхъ пасынковъ бьетъ,
Да съ сосѣдями ссоры заводитъ;
Кто что ѣстъ, кто что пьетъ и какъ дома живетъ
Все наружу съ насмѣшкой выводитъ;
Ходитъ изъ дому въ домъ, переноситъ слова,
Выдаетъ небылицы за были;
У себя же въ дому не рости хоть трава, —
И съ иконъ не смететъ густой пыли;
По недѣлямъ въ избѣ соръ на лавкахъ лежитъ,
Въ стекла тусклыя свѣтъ не проходитъ,
По угламъ на стѣнахъ паутина виситъ,
Плесень съ мокраго полу не сходитъ;

На холодной печи ребятишки кричатъ,
Инда сердце въ тоскѣ замираетъ, —
Дѣла мачихѣ нѣтъ, хоть ложись умирать, —
Ни заботы, ни горя не знаетъ;
Отъ двора моего отучила родныхъ,
Отказала знакомымъ съ порога,
Знать не хочетъ молвы, пересудовъ худыхъ,
Ни людей не боится, ни Бога. . .
Тяжкимъ, долгимъ трудомъ я добро собиралъ,
Много нуждъ перенесъ и заботы,
Худо ѣлъ, мало пилъ, рѣдко спалъ–отдыхалъ,
Не покладывалъ рукъ за работой:
То на пашнѣ, съ зарей, съ бороной и сохой,
То съ цѣпомъ на гумнѣ заваленномъ,
То въ лѣсу съ топоромъ, то съ широкой косой
На степи, иль въ лугу отведенномъ.
Вездѣ былъ, успѣвалъ, силу–матушку клалъ,
Свою бѣдность хотѣлъ я поправить —
И спорилось въ рукахъ: не чужимъ собиралъ,
Думалъ щастье дѣтишкамъ оставить,
Что бъ они въ сиротствѣ на отцовскую лѣнь,
Послѣ смерти моей не пеняли
И меня, старика, при нуждѣ, въ черный день
Добрымъ словомъ всегда поминали. . .
Да на старости лѣтъ умъ за разумъ зашелъ

У меня въ головѣ посѣдѣлой:
Въ тихій домъ свой жену молодую я ввелъ
И жена принялася за дѣло.
И пошло все вверхъ дномъ: потекло серебро,
Какъ вода между рукъ, на обновки;
Началася гульба — и погибло добро
Въ одинъ годъ отъ безстыдной мотовки.
Эхъ! не прежняя мочь, не былая пора,
Молодецкая удаль и сила, —
Не ходить бы женѣ, не спросясь, со двора,
И воды бы она не взмутила. . .
Спохватился теперь, да не сладишь съ бѣдой,
Лишь глядп на жену и казнися,
Да молчи, какъ дуракъ, когда скажутъ порой:
По дѣломъ старику — не женися.

1853.

XLVIII.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Жгучь морозъ трескучій;
Ночь, какъ день, ясна;
Смотритъ изъ-за тучи
Яркая луна.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгою глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Не кипитъ работа
На дворахъ большихъ,

Не скрыпятъ ворота:
Въ избахъ шумъ затихъ. . .

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ еще не спитъ.

Думаетъ–гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ,

Будетъ имъ надеждой,
Хлѣба дастъ кусокъ,
Обувь и одежду,
Теплый уголокъ. . .

И въ тоскѣ безмолвной,
Тяжкихъ думъ полна,

Стала предъ иконой
Съ трепетомъ она,

И, склонивъ колѣни,
Сдерживая духъ,
Въ грустномъ умиленьи
Повторяла вслухъ:

«Пресвятая Дѣва!
Сохрани сиротъ
Отъ людскаго гнѣва,
Отъ кручинъ, заботъ.

«Въ безпріютной долѣ
Щедро помоги;
Отъ порока въ горѣ
Мудро сбереги.

«Награди ихъ силой,
Разумомъ-умомъ,
И за грѣхъ помилуй
На Судѣ святомъ!» . . .

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,

Озаряя блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ,

И чело старушки,
Полное заботъ,
И въ углу избушки
Спящихъ двухъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонной
Гдѣ–то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталъ.

И, Богъ–вѣсть, отколѣ,
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ поле
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали
И тоски разгулъ.

1853.

XLIX.

НАСЛѢДСТВО.

Не осталося
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.

Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.

Въ горѣ, черный день,
Соловьемъ поешь;

При нуждѣ, въ бѣдѣ
Смотришь соколомъ;

На распашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.

И мила душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

L.

СЛАДОСТЬ МОЛИТВЫ.

Бываютъ минуты — тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу,
И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу.

Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно...
Лампада въ углу одиноко горитъ
И, кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.

И дума за думой на умъ мнѣ приходитъ,
И жаръ непонятный пожиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ ненаходитъ,
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.

И вспомню тогда я тревогу желаній,
И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,

Невѣрность надежды и горечь страданій,
И скрытный подъ маской глубокій развратъ,

Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
Все зло въ этомъ мірѣ, всю скорбь человѣка,
И грозную вѣчность и съ жизнью расчетъ; —

И вспомню я крестъ на Голгоѳѣ позорной,
Облитаго кровью Страдальца на немъ,
При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной,
Поникшаго тихо покорнымъ челомъ. . .

И страшно мнѣ станетъ отъ этихъ видѣній,
И съ ложа невольно тогда я сойду,
Склоню предъ иконой святою колѣни
И съ жаркой молитвою ницъ упаду.

И мнится мнѣ, слышу я шопотъ невнятный
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть-можетъ, незримо, въ тотъ мигъ благодатный,
Мой ангелъ-хранитель молитву творитъ.

И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну,
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.

1854.

LI.

НОЧЛЕГЪ ИЗВОЩИКОВЪ.

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что̀ бѣлымъ ковромъ,
И звѣзды зажглися и мѣсяцъ, что̀ лебедь,
Плыветъ одиноко надъ соннымъ селомъ.

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ–то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ;
То взъѣдетъ онъ тихо на длинную гору,
То въ темной лощинѣ изъ глазъ пропадетъ.

И вотъ на дорогѣ онъ вновь показался
И на–гору сталъ подыматься шажкомъ;
Вотъ слышно какъ снѣгъ заскрыпѣлъ подъ санями
И кони заржали подъ самымъ селомъ.

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шапкахъ,
Съ обозомъ, и съ правой и съ лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, пожимаясь, идутъ мужики.
Избились ихъ лапти отъ дальней дороги,
Ихъ жесткія лица морозъ заклеймилъ,
Высокія шапки, усы ихъ и брови
И бороды иней пушистый покрылъ.

Подходятъ они ко дворамъ постоялымъ;
На встрѣчу къ нимъ дворникъ спѣшитъ изъ воротъ,
И шапку снимаетъ, привѣтствуя словомъ:
«Откудова, братцы, Господь васъ несетъ?»

— Да ѣдемъ вотъ съ рыбой въ Москву изъ Ростова,* —
Передній извощикъ ему отвѣчалъ, —
А что на дворѣ-то не тѣсно ль намъ будетъ?
Теперь ты, я чаю, насъ вовсе не ждалъ.

---

* Ростовъ на Дону.

«Для добраго гостя найдется мѣстечко»
Привѣтливо дворникъ плечистый сказалъ,
И рыжую бороду тихо погладивъ,
Слегка ухмыляясь, опять продолжалъ:

«Вѣдь я не таковъ, какъ сосѣдъ прощалыга,
Готовый за грошъ свою душу продать;
Я знаю, какъ надо съ людьми обходиться,
Кого какъ привѣтить и чѣмъ угощать.

«Овесъ мой овинный, изба — таже баня,
Не какъ у сосѣда — зубовъ не сберешь;
И есть гдѣ прилечь, посидѣть, обсушиться,
А квасъ, то есть брага, и нехотя пьешь.

«Въѣзжайте-ка, братцы; намъ стыдно считаться;
Ужъ я по-пріятельски васъ угощу,
И встрѣчу, какъ водится, съ хлѣбомъ и солью
И съ хлѣбомъ и солью съ двора отпущу».

Послушались дворника добрые люди:
На дворъ помѣстились, коней отпрягли,
Къ санямъ привязали и корму имъ дали
И въ теплую избу чрезъ сѣни вошли.

Снявъ шапки, святымъ образамъ помолились,
Обчистили иней пушистый съ волосъ,
Раздѣлись, тулупы на нары поклали
И рѣчь завели про суровый морозъ.

Погрѣлись близь печки и руки помыли,
И грудь осѣнивши широкимъ крестомъ,
Хозяйкѣ хлѣбъ-соль подавать приказали
И ужинать сѣли за длиннымъ столомъ.

И вотъ въ сарафанѣ, покрытая кичкой,
Къ гостямъ молодая хозяйка вошла;
Сказала: «здорово, родные, здорово!»
И каждому порознь поклонъ отдала;

По крашеной ложкѣ имъ всѣмъ разложила,
И соли въ солонкѣ и хлѣбъ подала,
И въ чашкѣ глубокой, съ надтреснутымъ краемъ,
Изъ кухни горячія щи принесла.

И блюдо за блюдомъ пошла перемѣна:
Извощики молча и дружно ѣдятъ

И потъ начинаетъ съ нихъ градомъ катиться,
Глаза оживились и лица горятъ.

«Послушай хозяюшка!» молвилъ извощикъ,
Съ трудомъ проглотивши свинины кусокъ:
«Нельзя ли найти намъ кваску-то получше,
Вѣдь этотъ слѣпому глаза продеретъ.»

— И, что̀ ты, родимый! квасокъ-атъ что брага,
Его и купцамъ доводилося пить.
«Спасибо, хозяйка! сказалъ ей извощикъ,
Нескоро намъ брагу твою позабыть».

— Ну полноте спорить, вишь съ бабой связался!
Промолвилъ другой, обтирая усы:
Аль къ тещѣ пріѣхалъ съ женою на праздникъ;
Что̀ есть, то и ладно, а нѣтъ — не проси.

«Вѣстимо, Данилычь» сказалъ ему третій:
«За хлѣбомъ и солью шумѣть не рука;
Вѣдь мы не бояре; что̀ есть, тѣмъ и сыты...
А ну-ка, хозяюшка, дай-ка гуська».

— Эхъ, братцы! рукою расправивши кудри,
Товарищамъ молвилъ дѣтина одинъ:
Разъ, ѣздилъ я лѣтомъ въ Макарьевъ на тройкѣ,
Нанялъ меня, знаешь, купеческій сынъ.

— Ну что̀ за раздолье мнѣ было въ дорогѣ!
Признаться, ужь попилъ тогда я винца.
Какъ свистнешь, бывало, и тронешь лошадокъ,
Захочешь потѣшить порой молодца —

— И птицей несется залетная тройка,
Лишь пыль подымается чернымъ столбомъ,
Звенитъ колокольчикъ и версты мелькаютъ,
На небѣ ни тучьки и поле кругомъ.

— Въ лицо вѣтерокъ подуваетъ навстрѣчу,
И на-сердцѣ любо и пышетъ лицо. . .
Пріѣхалъ въ деревню — готова закуска
И дворника дочька подноситъ винцо.

— А вечеромъ, знаешь, мой купчикъ удалый,
Какъ эдакъ порядкомъ уже подгульнетъ,
На улицу выйдетъ, вся грудь нараспашку,
Вокругъ себя парней толпу соберетъ,

— Одѣлитъ деньгами и весело крикнетъ:
«А ну–ка валяй: не бѣлы–то снѣги!»
И парни затянутъ, и самъ онъ зальется,
И тутъ ужь его кошелекъ береги.

Бывало шепнешь ему: «Яковъ Петровичь!
Припрячь кошелекъ – то, вѣдь спроситъ отецъ».
— Молчи, братъ! за словомъ въ карманъ не полезу:
Въ товарѣ убытокъ — и дѣлу конецъ.

Такъ, сидя на лавкахъ за хлѣбомъ и солью,
Смѣясь, мужички продолжаютъ разсказъ;
И стоя близь печки, качаясь въ дремотѣ,
Ихъ слушаетъ дворникъ, прищуривши глазъ,

И думаетъ самъ онъ съ собою спросонокъ:
«Однако отъ этихъ барышъ мнѣ придетъ;
Овса–то, вотъ видишь, по мѣрочкѣ взяли,
А ѣсть — такъ одинъ за троихъ уберетъ.

Куда–жь это, Господи, все уложилось!
Баранина, щи, поросенокъ и гусь,

Лапша и свинина и медъ на заѣдки. . .
Ну я же по своему съ ними сочтусь».

Вотъ кончился ужинъ. Извощики встали:
Хозяйка мочалкою вытерла столъ,
А дворникъ внесъ въ избу охапку соломы,
Взглянулъ изподлобья и молча ушелъ.

Провѣдавъ лошадокъ, сводивъ ихъ къ колодцу,
Извощики снова всѣ въ избу вошли;
Постлали постель, помолилися Богу,
Раздѣлись, разулись и спать залегли.

И все замолчало. . . лишь въ кухнѣ хозяйка,
Поставивъ посуду на полку рядкомъ,
Изъ глиняной чашки, при свѣтѣ огарка,
Поила теленка густымъ молокомъ.

Но вотъ наконецъ и она улеглася,
Подъ голову старый зипунъ положивъ,
И крѣпко на печкѣ горячей заснула,
Всѣ хлопоты кухни своей позабывъ.

Все тихо. . . всѣ спятъ. . . и давно уже
полночь.
Раскинувши руки, храпятъ мужики,
Лишь, хрюкая, въ кухнѣ больной поросенокъ
Въ широкой лоханкѣ сбираетъ куски. . . .

Свѣтать начинаетъ. Извощики встали.
Хозяйка остатокъ огарка зажгла,
Гостямъ утереться дала полотенце,
Ковшомъ въ рукомойникъ воды налила.

Умылися гости; предъ образомъ стали;
Молитву, какую умѣли, прочли,
И къ спящему дворнику въ избу другую
За кормъ и хлѣбъ–соль расчитаться вошли.

Сердитый, спросонокъ, глаза протирая,
Поднялся онъ съ лавки и счеты сыскалъ,
За столъ сѣлъ нахмурясь, потеръ свой заты-
локъ
И молвилъ: «ну кто изъ васъ что̀ забиралъ?»

— »Заборъ нашъ ты знаешь: мы поровну
брали;
А ты вотъ за ужинъ изволь положить

Себѣ не въ обиду и намъ не въ убытокъ,
Съ тобою хлѣбъ–соль намъ впередъ чтобъ
водить».

«Да что же, давай четвертакъ съ человѣка;
Оно хоть и мало, да такъ ужь и быть.»
— «Не много ли будетъ, почтенный хозяинъ?
Богатъ скоро будешь! нельзя ли сложить?»—

«Нѣтъ, складки, ребята, не будетъ и гроша,
И эта цѣна–то пустякъ–пустякомъ;
А будете спорить — заплатите вдвое:
Ворота вѣдь заперты добрымъ замкомъ».

Подумавъ, извощики крѣпко вздохнули,
И нехотя вынувъ свои кошели,
Хозяину деньги сполна отсчитали
И въ путь свой, въ дорогу сбираться пошли.

Всю выручку въ старый сундукъ положивши,
Хазяинъ одѣлся и вышелъ на дворъ
И, видя, что гости коней запрягаютъ,
Взялъ ключь и замокъ на воротахъ отпёръ.

Накинувъ арканы на шеи лошадокъ,
Извощики стали съѣзжать со двора.
«Спасибо, хозяинъ!» промолвилъ послѣдній:
«Смотри, разживайся съ чужаго добра.»

— «Ну, съ Богомъ, любезный! сказалъ ему дворникъ:
Еще изъ-за гроша ты сталъ толковать.
Впередъ, просимъ милости, къ намъ заѣзжайте,
Ужь мнѣ не учиться кого какъ принять!»

1854.

LII.

ССОРА.

«Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!
Али мало, что всѣхъ промоталъ лошадей —
Вѣрно по міру хочешь таскаться?
Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
Показаться на улицу стыдно;
То и дѣло твердятъ: что̀, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?
А ты думаешь: гдѣ же опричь ему быть,
Чай опять загулялъ съ бурлаками. . .
И сердечушко вдругъ закипитъ, закипитъ,
И, вздохнувши, зальешься слезами».

— Не дурачь ты меня, мужъ женѣ отвѣчалъ:
Я не первый денекъ тебя знаю.
Да по чьей же я милости пьяницей сталъ

И теперь низачтò пропадаю?
Не вино съ бурлаками — я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю;
Только видно его я ничѣмъ не залью,
Лишь одну свою жизнь скоротаю.
Ты не знаешь, небось, какъ я прежде жилъ,
Все умѣя про нужду готовить,
Пока замужъ тебя, бѣлоручку, не взялъ,
Не посмѣвши отцу прекословить.
Ахъ ты время мое, золотая пора,
Не видать ужь тебя вѣрно болѣ!
Какъ бывало, съ зарей, на телѣгахъ съ двора
Ѣдешь рожь убирать въ свое поле: —
Сбруя вся назаказъ, кони–любо взглянуть,
Словно звѣри, изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, возжей шевельнуть —
Ужь голубчики вихремъ несутся.
Самъ работаешь до ночи, устали нѣтъ,
Противъ вѣтру вся грудь на распашку,
Лишь коса зазвенитъ, какъ рука размахнетъ
И отъ поту хоть выжми рубашку.
Придетъ праздникъ, — одѣвшись, глядишь
молодцомъ,
Сходишь въ церковь, помолишься Богу
И идешь по селу, вьются кудри кольцомъ,

Старики уступаютъ дорогу!
А теперь, — знать за грѣхъ меня Богъ наказалъ, —
Надо мною смѣяться всѣ стали. . .
И вздохнувъ глубоко, онъ опять продолжалъ
И глаза его вдругъ засверкали:
Одного я маленько вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто;
Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно негусто;
На тебя-жь поглядишь, что̀ откуда идетъ,
Что̀ ни праздникъ — пная обновка;
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да все что-то какъ-будто не ловко. . .
«Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ ходить?
Покраснѣвши, жена отвѣчала:
Кажись было на что̀ мнѣ обновки купить, —
Я вѣдь цѣлую зимушку пряла.
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, велпкая честь!
Вишь онъ рѣчи какія заводитъ:
Самому же лаптишекъ не хочется сплесть,
А зипунъ-то онучи не стоитъ.»

— Поистерся немного: не всѣмъ щеголять;

Бѣдняку, что̀ Богъ далъ, то и ладно.
А ты любишь гостей–то по платью встрѣчать,
Сосѣдъ ходитъ не даромъ нарядно. —

— «Ахъ, родные мои, закричала жена:
Ужь и гостя принять мнѣ нѣтъ воли!
Вотъ настали какія у насъ времена:
Не води съ людьми хлѣба и соли!
Аль досада беретъ, что сталъ голъ, какъ сокол̀ъ,
Что ужь нечѣмъ пришло охмѣляться?
Та бѣда — не бѣда, онъ другую нашелъ,
Захотѣлъ надъ женой издѣваться.
Да вотъ на–ка тебѣ! не по твоему быть!
Я небольно тебя испугалась!
Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Что–бъ сердечко твое надрывалось!»

— Коли такъ, такъ и такъ! мужъ женѣ отвѣчалъ:
Мнѣ тебя переучивать поздно;
Ужь и то̀ я грѣха много на душу взялъ,
А сосѣда попробовать можно . .
Ну, да полно кричать! Собери–ка поѣсть:
Я и то другой день безъ обѣда,

Дай хоть хлѣба ломоть, да влей щей, коли
есть,
Молоко-то оставь для сосѣда. —
«Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь!
Жена, съ лавки вскочивши, сказала:
Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь»
И на печку она указала.

Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ;
Взялъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ близъ окна, головой покачалъ
И пошелъ куда очи глядѣли.
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ —
идётъ;
Шляпа набокъ, халатъ нараспашку.
Отъ коневьихъ сапогъ чистымъ дегтемъ не-
сётъ,
И застегнута лентой рубашка.
— «Будь здоровъ, Пантелей! Что повѣсилъ,
братъ, носъ?
Аль запала въ головушку дума?»
«Видишь бойкой какой! А ты что мнѣ за-
спросъ?»
Пантелей ему молвилъ угрюмо.

— «Что̀ такъ больно сердитъ? знать болитъ голова,
Или просто некстати зазнался.
(Пантелей между-тѣмъ засучалъ рукава
И кругомъ второпяхъ озирался.)
Да вѣдь я, братъ, видалъ и почище тебя,
И умѣлъ въ пхъ бокахъ ломать кости;
Ты ступай куда шелъ, вонъ дорога твоя,
А я знаю къ кому иду въ гости». —
«Эхъ, была не была! ну, держися дружокъ!»
Закричалъ Пантелей размахнувшись, —
И онъ такъ хватилъ мѣтко сосѣда въ високъ,
Инда съ часъ тотъ лежалъ, растянувшись...

Ввечеру Пантелей ужь сидѣлъ въ кабакѣ,
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

1854.

LIII.

ИЗМѢНА.

Ты взойди, взойди
Заря ясная,
Изъ–за темныхъ тучь
Взойди, выгляни;

Подымись туманъ
Отъ сырой земли,
Покажись ты мнѣ
Путь–дороженька.

Шелъ къ подругѣ я
Вчера вечеромъ;
Мужички въ селѣ
Спать ложились.

Вотъ взошелъ я къ ней
На широкій дворъ,

Отворилъ избы
Дверь знакомую.

Глядь, — огонь горитъ
Въ чистой горенкѣ,
Въ углу столъ накрытъ
Бѣлой скатертью;

У стола сидитъ
Гость разряженный,
Вплоть ло плечь лежатъ
Кудри черныя.

Подлѣ, рядомъ съ нимъ,
Моя милая:
Обвила его
Рукой бѣлою,

И на грудь къ нему
Склонивъ голову,
Рѣчи тихія
Шепчетъ ласково. . .

Поднялись мои
Дыбомъ волосы,

Обдало меня
Жаромъ, холодомъ.

На столѣ лежалъ
Бѣлый хлѣбъ и ножъ:
Знать кудрявый гость
Званъ былъ ужинать.

Я схватилъ тотъ ножъ,
Къ гостю бросился;
Не успѣлъ онъ встать
Слова вымолвить, —

Облило его
Кровью алою,
Словно снѣгъ лицо
Забѣлѣлося.

А она вскочивъ,
Громко ахнула,
И, какъ листъ вздрогнувъ,
Пала замертво.

Стало страшно мнѣ
Въ свѣтлой горенкѣ:

Распахнулъ я дверь,
На дворъ выбѣжалъ. . .

Ну, подумалъ я
Добрый молодецъ,
Ты простись теперь
Съ отцомъ, съ матерью!

И пришелъ мнѣ въ умъ
Дальній, темный лѣсъ,
Жизнь разгульная
Подъ дорогою. . .

Я сказалъ себѣ:
Больше некуда!
И махнувъ рукой,
Въ путь отправился. . .

Ты взойди, взойди
Заря ясная,
Покажи мнѣ путь
Къ лѣсу темному!

1854.

LIV.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ,
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Вонъ плыветъ вдали, направо,
Подлѣ камышей,
Грудь подъемля величаво,
Стадо лебедей.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ. . .

Привязавъ къ ракитамъ лодки,
Мужички, вдвоемъ,
Близь осоки, втихомолку,
Тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ боскомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ, верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается
Голосокъ звенитъ.

«Ну, катай на перегонки! . . . »
А на шалуновъ
Смотритъ съ завистью дѣвчонка,
Стоя близь кустовъ.

«Тянутъ, тянутъ!» закричали
Ребятишки вдругъ:
«Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щукъ.»

Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
— «Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ,
Нечего глядѣть!»

Такъ сказалъ старикъ высокой,
Весь какъ лунь сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть отъ земли приподняли
Разомъ рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

«Ты, подкидышь, къ намъ откуда?
Любишь поглазѣть!
Убирайся-ка отсюда:
Неча тутъ сидѣть!»

И дѣвчонку вмигъ мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
— « Ну за что ты ее, Мишка!»
Упрекнулъ другой:

«Экой малый уродился, —
Вымолвилъ старикъ: —
Все бы дрался, да бранился,
Экой озарникъ!»

— «Ты бы внука–то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю–то раненько!
Свату сватъ сказалъ:

— «Эхъ! . . . дѣвчонка надоѣла. . .
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша, безъ дѣла,
Одѣвать изволь.

«Хлѣбъ, смотри вотъ, вздорожаетъ, —
А чужихъ корми;
А вѣдь мать, небось, гуляетъ,
Прахъ ее возьми!

«И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ какъ трава,
Да все плачетъ. . . дрянь такая!
А на грѣхъ жива! . . .»

— «Потерпи: чай, не забудетъ
За добро Господь!
Вѣдь она работать будетъ,
Богъ-дастъ, подрастётъ.

«Такъ-то такъ. . . вѣстимо, надо
Къ дѣлу пріучить;
Да теперь беретъ досада
Безъ толку кормить.»

Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли.

А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

1854.

LV.

УПРЯМЫЙ ОТЕЦЪ.

— «Ты хоть плачь, хоть не плачь, —
быть по моему
Я сказалъ тебѣ: не послушаю;
Молода еще, рано умничать!
«Мой женихъ–де вотъ и буянъ и мотъ,
«Онъ въ могилу свелъ жену первую» . . .
Ты скажи прямѣй: мнѣ, молъ, батюшка,
Полюбился сынъ Кузьмы–мельника.
Такъ сули ты мнѣ горы золота, —
Не владѣть тобой сыну знахаря.
Онъ добро скопилъ, — пусть имъ хвалится:
Наживи же онъ имя честное!
Я съ сумой пойду, умру съ голода,
Не отдамъ себя на посмѣшище, —
Не хочу я бытъ роднёй знахаря!
Колдуновъ у насъ въ роду не было.
А ты этимъ–то мнѣ, безстыдница,

За мою хлѣбъ-соль платить вздумала,
Жениховъ своихъ пересуживать?
Да ты знаешь ли власть отцовскую?
Съ пастухомъ, велю, подъ вѣнецъ пойдешь!
Не учи, скажу: такъ мнѣ хочется!» —

Захватило духъ въ груди дочери,
Полотна бѣлѣй лицо сдѣлалось,
И, дрожа какъ листъ, съ мольбой горькою,
Къ старику она въ ноги бросилась:
«Пожалѣй меня, милый батюшка,
Не сведи меня во гробъ заживо!
Аль въ избѣ твоей я ужь лишняя,
У тебя въ дому не работница? . . .
Ты, кормилецъ мой, самъ говаривалъ,
Что не выдашь дочь за немилаго.
Не губи же ты мою молодость:
Лучше въ дѣвкахъ я буду старѣться,
День и ночь сидѣть за работою!
Откажи, родной, свахѣ засланной.»

— «Хороша твоя рѣчь, разумница;
Только гдѣ ты ей научилася?
Понимаю я, что ты думаешь:
Мой отецъ, молъ, старъ—ему бѣлый гробъ,

Красной дѣвицѣ своя волюшка. . .
Али, можетъ–быть, тебѣ не любо,
Что отецъ въ почетъ по селу пойдетъ,
Что богатый зять тестю бѣдному
При нуждѣ, порой, будетъ помочью?
Такъ ступай же ты съ моего двора,
Что бъ ноги твоей въ домѣ не было!» —

«Не гони меня: сжалься, батюшка,
Ради горькихъ слезъ моей матушки!
Вѣдь она тебя Богомъ, при смерти,
Умоляла быть мнѣ защитою. . .
Не гони, родной: я вѣдь кровь твоя!»

— «Знаю я твои бабьи присказки!
Что̀ по мертвому, чтоль, расплакалась?
Да хоть встань твоя мать–покойница,
Я и ей скажу: «быть по моему!»
Прокляну, коли не послушаешь! . . .»

Протекло семь дней: дѣло сладилось.
Отецъ празднуетъ свадьбу дочери.
За столомъ шумятъ гости званые;
Подъ хмѣлькомъ, старикъ пляшетъ съ радости,
Зятемъ, дочерью выхваляется.

Зять сидитъ въ углу, гладитъ бороду,
На плечахъ его кафтанъ новенькій,
Сапоги съ гвоздьми, съ мѣдной прошвою, *
Подпоясанъ онъ краснымъ поясомъ.
Молодая съ нимъ сидитъ объ-руку;
Сарафанъ на ней съ рядомъ пуговокъ,
Кичка съ бисернымъ подзатыльникомъ, —
Но лицо бѣлѣй снѣга чистаго:
Вѣрно много слезъ красной дѣвицей
До вѣнца въ семь дней было пролито. . .

Вотъ окончился деревенскій пиръ,
Проводилъ старикъ съ двора дѣтище.
Только пыль пошла вдолъ по улицѣ,
Когда зять, надѣвъ шляпу на ухо,
Во весь духъ пустилъ тройку дружную,
И безъумолку подъ дугой большой

Залился два колокольчика. . .
Замолчало все въ селѣ къ полночи,
Не спалося только сыну мельника;
Онъ сидѣлъ и пѣлъ на завалинѣ:
То души тоска въ пѣснѣ слышалась,

---

* Въ нѣкоторыхъ селахъ воронежской губерніи задники крестьянскихъ сапоговъ прошиваются, для щегольства, мѣдною проволокою.

То разгулъ, будто воля гордая
На борьбу звала судьбу горькую.

Сталъ одинъ старикъ жить хозяиномъ,
Молодую взялъ въ домъ работницу. . .
Выпалъ первый снѣгъ. Зиму–матушку
Деревенскій людъ встрѣтилъ весело;
Мужички въ извозъ отправляются,
На гумнахъ вездѣ молотьба идетъ,
А старикъ почти съ утра до ночи
Въ кабакѣ сидитъ, пригорюнившись.
«Что, старинушка, чай богатый зять
Хорошо живетъ съ твоей дочерью? . . .»
Подъ хмѣлькомъ ему иной вымолвитъ:
Вмигъ сожметъ Пахомъ бровп съ просѣдью
И, потупивъ взоръ, скажетъ нехотя:
— «У себя въ дому за женой смотри,
А въ чужую клѣть не заглядывай!» —
«За женой–то мнѣ глядѣть нечего;
Лучше ты своимъ зятемъ радуйся:
Вонъ теперь въ грязи онъ на улицѣ.»

Минулъ свадьбѣ годъ. Насталъ праздничекъ.
Разбудилъ село колокольный звонъ;

Мужички идутъ въ церковь весело;
На крещеный людъ смотритъ солнышко.
Въ церкви Божіей бѣлый гробъ стоитъ,
По бокамъ его два подсвѣчника;
Въ головахъ, одинъ, въ зипунѣ худомъ,
Сирота–Пахомъ думу думаетъ
И не сводитъ глазъ съ мертвой дочери. . .
Вотъ окончилась служба долгая,
Мужички снесли гробъ на кладбище;
Приняла земля дочь покорную.
Обернулся зять къ тестю блѣдному
И сказалъ, заткнувъ руки за–поясъ:
«Не пришлось пожить съ твоей дочерью!
И хлѣбъ–соль была, кажись, вольная,
А все какъ–то ей нездоровилось. . . »
А старикъ стоялъ надъ могилою,
Опустивъ, въ тоскѣ, на грудь голову,
И когда на гробъ земля черная
Съ шумомъ, глыбами вдругъ посыпалась, —
Пробѣжалъ морозъ по костямъ его
И ручьемъ изъ глазъ слезы брызнули. . .
И не разъ съ тѣхъ поръ, въ ночь безсонную,
Этотъ шумъ ему дома слышался.

1854.

LVI.

С. В. ЧИС . . . . . ой.

Да не смущается сердце ваше,
вѣруйте въ Бога . . . .
Ев. Іоанна гл. XIV ст. 1.

Тяжелъ вашъ крестъ! . . . Что̀ было съ вами
Въ глуши безлюдной и степной
Когда у васъ передъ глазами,
На рыхломъ снѣгѣ, сынъ родной,
Назадъ минуту, жизни полный,
Какъ цвѣтъ, подрѣзанный косой,
Лежалъ недвижный и нѣмой,
Мгновенной смертью пораженный?
Когда любимое дитя
Вы къ жизни воплемъ призывали
И безотвѣтныя уста
Своимъ дыханьемъ согрѣвали? . . .
Тяжелъ вашъ крестъ и ваша чаша

Горька! Но живъ Господь всего:
Да не смутится сердце ваше,
Молитесь, вѣруйте въ Него!
Слеза–ль падетъ у васъ, — Онъ знаетъ
Число всѣхъ каплей дождевыхъ,
И ваши слезы сосчитаетъ,
Оцѣнитъ каждую изъ нихъ.
Онъ весь любовь, и жизнь, и сила,
Съ Нимъ благо все, съ Нимъ свѣтъ во тмѣ!...
И, наконецъ, скажите мнѣ,
Ужели такъ страшна могила?
Что̀ лучше: раньше умереть,
Или страдать и сокрушаться.
Глядѣть на зло и зло терпѣть,
И вѣровать и сомнѣваться?
Утраты, нужды испытать,
Прочесть весь свитокъ жизни горькой,
Чтобъ у дверей могилы только
Ихъ смыслъ таинственный понять? . . .
Блаженъ, кто къ вѣчному покою,
Не испытавъ житейскихъ волнъ,
Причалилъ рано утлый чёлнъ,
Хранимый высшею рукою!
Кто знаетъ? Можетъ–быть въ тотъ часъ,
Когда въ тиши, въ тоскѣ глубокой,

Вы на молитвѣ одинокой
Стоите долго, — подлѣ васъ
Вашъ сынъ, теперь жилецъ небесный,
Стоитъ какъ ангелъ безтѣлесный,
И слышитъ васъ и, можетъ–быть,
За васъ молитвы онъ творитъ;
Иль въ хорѣ ангеловъ летаетъ,
И — чуждый всѣхъ земныхъ заботъ, —
И славу Бога созерцаетъ,
И гимны райскіе поетъ.
Къ чему же плачь? Настанетъ время,
Когда, въ надзвѣздной сторонѣ,
За все свое земное бремя
Вознаградитесь вы вполнѣ.
Тамъ, окруженный неба свѣтомъ,
Сынъ радость съ вами раздѣлитъ,
И по разлукѣ въ мірѣ этомъ
Васъ вѣчность съ нимъ соединитъ.

1854.

LVII.

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Буря утихла. Грядой облака потянулись къ
востоку;
Грома глухіе раскаты вдали зампрать начи-
наютъ;
Вотъ они смолкли, и огненный ликъ заходя-
щаго солнца
Снова блеснулъ изъ-за тучи — и вмигъ за-
горѣлся весь западъ,
Нѣжнымъ румянцемъ покрылась опушка ку-
дряваго лѣса,
Капли дождя засіяли на немъ будто чудные
камни.
Слышу о чемъ-то таинственно шепчется вѣ-
теръ съ листами;
Рѣчи его непоняты для нашего грубаго слуха,
Но понимаютъ ихъ вѣрно листы, отвѣчая имъ
дружно.

Около лѣса желтѣется ржи неоглядное море,
Искрами блещетъ небесная влага на иглахъ колосьевъ;
Жадно они напились ея, послѣ долгой засухи;
Сладко дремать имъ теперь, наклонясь надъ сырою землею,
Воздухъ прохладный вдыхая, подъ кротко-сіяющимъ небомъ.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!
Какъ ощутительно вѣетъ онъ новою силой и жизнью!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темносиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной:
Вѣрно увялъ бы онъ, если бы на день продлилась засуха.
Что же теперь? Окропленный дождемъ, оживленный прохладой,
Снова онъ весь развернулся и держится прямо на стеблѣ.

Солнце–художникъ покрыло его золотистою краской,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо–жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка разцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо . . .
Только кричитъ гдѣ–то перепелъ и распѣваетъ овсянка;
Весело свистнулъ и онъ, напился водицы изъ лужи.

Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣсу. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
«Экую радость послалъ намъ Господь — проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-атъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнашь».

1854.

LVIII.

ЖЕНА ЯМЩИКА

Скоро будетъ полночь . . .
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ,

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.

Въ старомъ зипунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ

Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:

«Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь ужь ночь давно;
На-ка вотъ шубенку,
Впшь какъ холодно».

— «А зачѣмъ же, мама,
Ты сама спдпшь,
И вечоръ все пряла
И теперь не спишь?» —

«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужь силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

«Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,

А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

«Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.

«Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?» . . .

— «Полно плакать, мама!» —
Грустно сынъ сказалъ,
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,

И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой,
И заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ;

Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

«Постелю постельку,
А Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять:
Будемъ въ нихъ сыночка
По двору катать».

И дитя забылось . . .
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,

Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца. . .

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:
«Тошно сиротою
«Мнѣ тебя кидать!

«Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
«Замужемъ–то жить,
«Трудъ, порой рабочей,
«Въ полѣ выносить?

«И въ кого родилась
«Ты съ такимъ лицомъ?
«Старшія–то сестры
«Кровь вѣдь съ молокомъ;

«И разгульны, правда,
«Нечего сказать,

«Да за то какъ станутъ
«Въ полѣ работать, —

«Хоть жара, хоть вѣтеръ —
«Все равно для нихъ:
«Оттого и замужъ
«Скоро взяли ихъ.

«А тебя за разумъ
«Хвалитъ вся семья,
«Да любить–то . . . любитъ
«Только мать твоя.

«Все ты шить умѣешь
«И въ избѣ прибрать,
«Ребятишекъ братьевъ
«Любишь обмывать.

«Да въ быту крестьянскомъ,
«Знаешь ты сама,
«Сила–то дороже
«Разума–ума» . . .

Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ,

Какъ его покойный
Тесть любилъ, старикъ.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
«Ахъ, отецъ!» проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.

— «Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!»
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ,

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ? . . .

Экая погодка,
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ».

— «А мой мужъ?» — спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

«Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.

«На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять».

Горько зарыдала
Бѣдная вдова,

Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

Опустивъ ручёнки,
Сынъ ея стоялъ,
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.

«Вишь какая притча!»
Думалъ такъ мужикъ:
«Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

«А вѣдь жалко бабу,
Что̀ и говорить!
Скоро ей придется
По̀ міру ходить.

— «Полно горевать-то»,
Вслухъ онъ ей сказалъ:
«Стало неча дѣлать,
Богъ знать наказалъ!

«Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:

Такъ поди возьми пхъ;
Мнѣ домой пора.

«Да! . . . вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

«Вотъ благословенье
«Сыну моему;
«Пусть не забываетъ
«Мать, скажи ему».

«А тебя–то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По̀ смерть твое имя
Бѣдный онъ твердилъ.»

1854.

LIX.

КУПЕЦЪ НА ПЧЕЛЬНИКѢ.

Межь ульевъ, къ лѣску примыкая густому,
Подъ тѣнію гибкихъ березъ и ракитъ,
Недавно покрытая новой соломой,
Изба одинокая въ полѣ стоитъ.
Вкругъ ульевъ ветловый плетень. За избою
На толстыхъ столбахъ обвѣтшалый навѣсъ;
Правѣе ворота съ одной вереею,
А далѣе поле, дорога и лѣсъ.
И какъ хорошо это поле! Вотъ гречка,
Межь рожью высокой и спѣлымъ овсомъ,
Бѣлѣется ярко, что̀ млечная рѣчка;
Вотъ стелется просо зеленымъ ковромъ,
Склоняяся къ почвѣ густыми кистями;
Съ нимъ рядомъ желтѣетъ овесъ золотой,
Красиво качая своими кудрями;
А воздухъ струится прозрачной волной
И солнце такъ ярко, привѣтно сіяетъ!

Вонъ коршунъ лукавый надъ рожью плыветъ,
Вдали колокольчикъ звенитъ, замираетъ,
И міръ насѣкомыхъ немолчно поетъ.

Близь пчельника, въ полѣ, подъ тѣнью ракиты,
Съ купцомъ и сватами пчелинецъ сидитъ,
Широкая лысина шляпой покрыта,
Глаза его мутны, лицо все горитъ;
Лежатъ на щекахъ загорѣлыхъ морщины
И просѣдь бѣлѣетъ въ его волосахъ,
Рубашка на немъ изъ кручоной холстины,
А ноги въ онучахъ и въ новыхъ лаптяхъ.
Съ нимъ рядомъ бесѣдуютъ три его свата:
До плечъ изъ-подъ шапокъ ихъ кудри висятъ,
Всѣ въ синихъ рубахахъ, на шапкахъ заплаты,
Всѣ пылью покрыты съ лица и до пятъ.
Предъ ними, на бѣлой разостланной тряпкѣ,
Ведро деревянное съ квасомъ стоптъ,
Желтѣется медъ въ неокрашенной чашкѣ *
И чернаго хлѣба краюха лежитъ.

---

* Въ свободное время любимое занятіе пчелинцевъ, кромѣ починки старыхъ ульевъ, выдѣлка изъ дерева чашекъ, ложекъ и т. п. Эти произведенія, разумѣется, бываютъ самой грубой работы.

Напротивъ пчелица, въ поддёвкѣ* суконной,
Въ жилетѣ и въ плисовыхъ черныхъ штанахъ,
Купецъ темнорусый, на травкѣ зеленой
Сидитъ, подбоченясь, съ бутылкой въ рукахъ.
Подалѣе, въ кичкѣ, въ цвѣтномъ сарафанѣ,**
Невѣстка пчелинца, нагнувшись, стоптъ,
И съ саломъ свинымъ, на чугунномъ таганѣ,
Яичницу въ глиняной чашкѣ варитъ.***
Лѣвѣй, по дорогѣ, близь ивы тѣнистой,
Двѣ лошади подлѣ повозокъ стоятъ,
И два медолома, во ржи золотистой,
Позавтракавъ, трубки лѣниво курятъ.
Безоблачно небо; безлюдно все поле;
Лишь пчелы жужжатъ, не смолкая, кругомъ,
Да громко, подъ тѣнью ракитъ, на просторѣ,
Ведутъ мужички свои рѣчи съ купцомъ.

1-й сватъ.

Нѣтъ, ты ужь на свата, купецъ, положися:
Вѣдь онъ не захочетъ душою кривить;

---

* Одежда — родъ казакина.

** Продажа меду у мужичка-пчелинца считается праздникомъ. Въ это время онъ приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ погулять на счетъ покупателя, и бабы надѣваютъ тогда лучшее платье.

*** Яичница, любимое, полевое кушанье деревенскихъ пчелинцевъ.

Давай–ка задатокъ, да Богу молися,
Товаръ тоже золото, можно купить.

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Не знаю я, сватушка, хитрыхъ уловокъ;
Да мой и родитель–то былъ не таковъ.
Ты видишь, что за десять лучшихъ колодокъ*
Всего–то я выпросилъ триста рублёвъ.

КУПЕЦЪ.

Эхъ, скупъ ты, Кудимычь! грѣшишь противъ Бога!
Знать вздумалъ на старости въ кладъ собирать.
И двадцать цѣлковыхъ по моему много:
Вѣдь былобъ и мнѣ изъ чего хлопотать.

2-й СВАТЪ.

Вѣстимо, гдѣ польза, легка и работа.
Я помню, говаривалъ кумъ мой Сысой:
Родись только просо, косить не забота,
Семья будетъ съ кашей, хозяинъ съ казной.

---

* Улей и колодка имѣютъ одно и тоже значеніе.

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Да, сватушка, любо на свѣтѣ съ казною.
А я вотъ на старости лѣтъ обѣднѣлъ;
Лишился дѣтишекъ, да вотъ и съ женою
Жить вмѣстѣ недолго Господь мнѣ велѣлъ.
Невѣстка, ты знаешь, зимой овдовѣла;
Самъ старъ, и пахать и косить ужь не въ мочь;
Тутъ горе — избушка недавно сгорѣла;
Одна мнѣ утѣха осталася — дочь.
Господь дастъ, голубушку къ мѣсту пристрою
(А ей наступилъ девятнадцатый годъ),
Тогда и глаза я покойно закрою.
Да денегъ-то нѣтъ: вся надёжа на медъ.

КУПЕЦЪ.

Э, полно грустить-то. . . А лучше, Кудимычь,
Давай-ко вотъ выпьемъ по чаркѣ одной.

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Спасибо, родимый мой, Яковъ Данилычь!
Премного доволенъ, спасибо, родной!

КУПЕЦЪ.

Да кушай, дружище! Зачѣмъ тутъ считаться?

Сторгуемся — ладно, и нѣтъ — не порокъ;
Мнѣ стыдно отказомъ твоимъ обижаться:
Я знаю тебя ужь не первый годокъ.

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Да какъ же! еще твой родитель покойный
Лѣтъ двадцать со мной по-пріятельски жилъ.
Вотъ былъ человѣкъ-то! ужь этакой скромный!
А какъ онъ моихъ ребятишекъ любилъ!
За то коли бабы порой посмѣются
И скажутъ бывало: «вонъ ѣдетъ купецъ!»
Ребята мои его ждутъ не дождутся,
Глядятъ на дорогу и играмъ конецъ.
Душа былъ покойникъ!... повѣришь, бывало
Полсотни колодокъ онъ купитъ съ двухъ словъ.

КУПЕЦЪ.

Я самъ не охотникъ болтать что попало.
Да чтожь вѣдь десятокъ не тристажь рублевъ?

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Ну, двадцать пять сбавлю: оно дешевенько,
Да надо тебѣ дать копѣйку нажить.

КУПЕЦЪ.

Спасибо, Кудимычь. Испей–ко маленько;
Успѣемъ поладить: куда намъ спѣшить!

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Я выпью; гляди только, Яковъ Данилычь,
Чтобъ дѣло покончить по совѣсти намъ.

КУПЕЦЪ.

По совѣсти кончимъ. Ну, кушай, Кудимычь!
Покамѣстъ я кстати налью и сватамъ.

2-й СВАТЪ.

Вотъ добрый купецъ–атъ! Вишь какъ угощаетъ!
Люблю за обычай! . . . А что сватъ Иванъ,
Мнѣ кажется день померкать начинаетъ
И по полю ходитъ какой–то туманъ?

3-й СВАТЪ.

Въ глазахъ, вѣрно, сватъ, у тебя потемнѣло:
На полѣ идетъ все своимъ чередомъ.
Туманъ, или ясно — неважное дѣло . . .
Вотъ пчельникъ–то ходитъ немного кругомъ.

КУПЕЦЪ.

Послушай, Пахомовна, что тамъ хлопочешь?
Поди-ко сюда, побесѣдуй со мной;
Ты, видно, меня и привѣтить не хочешь,
Какъ-будто мы вовсе чужіе съ тобой.

ПАХОМОВНА.

И, что̀ ты! коли я тебя забывала?
Хозяйкѣ грѣшно про гостей забывать.
Я все за яичницей тамъ хлопотала:
Дрова-то сырыя, совсѣмъ не горятъ.

КУПЕЦЪ.

Небось, загорятся: закуска не къ сроку.
Ты на-ка вотъ чарочку выпей пока;
А я вѣдь тебѣ приготовилъ обновку —
Кусокъ миткалю и два красныхъ платка.
Смотри же, какъ съ свекромъ-то ладить я буду,
Такъ ты, молодица, меня поддержи;
А я и въ другой разъ тебя не забуду:
Теперь лишь по-прежнему мнѣ послужи.

Поморщившись, баба стаканъ осушила
И вытерла губы слегка рукавомъ,

Намазала меду на хлѣбъ, закусила,
И бойко промолвила свекру потомъ:
«Зачѣмъ у васъ, батюшка, дѣло-то стало?
Уважь, коли можно, купецъ-атъ хорошъ;
Иной нападетъ вѣдь такой тряпыхало,
Пожалуй и денегъ грошà не возмешь.
Вотъ, прошло лѣто, у свата Степана,
Какой-то проѣзжій его подпоилъ,
А послѣ, мошенникъ, надѣлалъ изъяну
И къ вечеру слѣдъ его въ полѣ простылъ».

— «Ты сущую правду сказала про свата,
Поднявшись, пчелинецъ съ трудомъ бормоталъ,
Купцы надуваютъ вѣдь нашего брата,
Я самъ этотъ грѣхъ на себѣ испыталъ.
Ну, слушай же, Яковъ Данилычь! вотъ видишь, —
Признаться, ей-Богу въ умѣ не былò, —
За тò, что въ расчетѣ меня не обидишь,
Долой семь цѣлковыхъ! куда что ни шло!» —

«Нѣтъ, такъ не придется. Я радъ бы душою,
Да слишкомъ, любезный, цѣна высока.

Ты, видно, не хочешь поладить со мною,
А ждешь къ себѣ въ гости купца-кулака.
Чтожь? — Вольному воля; пожалуй, какъ знаешь,
Но только такого, какъ я, не найдешь:
Съ меня ты червонцы всегда получаешь,*
Съ другаго и лыками всѣхъ не возьмешь».

Пахомовна ложки межь-тѣмъ разложила,
Холоднаго квасу въ ведро подлила,
Поближе присѣсть всѣхъ гостей пригласила
И въ чашкѣ яичницу имъ подала.
И весело гуторя, около чашки
Сваты и пчелинецъ усѣлись въ кружокъ;
Разгладили бороды, скинули шапки
И каждый взялъ ложку и хлѣба кусокъ.
И дружно обѣдъ свой они продолжали;
Но хмѣльный пчелинецъ не ѣлъ и молчалъ:
Глаза старика черезъ силу моргали
И носъ его въ воздухѣ что-то клевалъ.
Купецъ и Пахомовна рядомъ сидѣли,
И глазъ не сводилъ съ нея ловкій сосѣдъ,

---

* Мужики степныхъ губерній почитаютъ для себя величайшею обидою, если имъ платятъ за какой-либо товаръ арзорванными билетами, или старою серебряною монетою.

И щеки молодки румянцемъ горѣли . . .
Вотъ медомъ окончился сытный обѣдъ.

— «Спасибо за хлѣбъ-соль и ласку, Кудимычь,»
Сваты говорили и силились встать:
«Спасибо тебѣ тоже Яковъ Данилычь,
Довольны, родимый: ужь неча сказать!» —

«Не стоитъ, сваточки: вы вовсе неѣли, —
— Сватамъ, спотыкаясь, пчелинецъ сказалъ:
А чтòбы одну вы мнѣ пѣсенку спѣли;
Я пѣсней, признаться, давно не слыхалъ!»

«Ну, что же, Кудимычь, какъ будемъ мы ладить?»
Платкомъ утираясь, промолвилъ купецъ:
«Нельзя ли съ цѣны твоей что-нибудь сбавить?
Скажи покороче — и дѣлу конецъ».

— «Да вотъ чтò, кормилецъ, я сбавлю немного:
Ты хочешь мнѣ двѣсти и двадцать отдать?
Не тò, — такъ ступай себѣ . . . вонъ и дорога!
Я больше не стану съ тобой толковать». —

«Сто двадцать! . . . упрямъ ты маленько,
Кудимычь!«
Какъ-будто обидясь, купецъ повторилъ.

—«Сто двадцать, сто двадцать! какъ знаешь,
Данилычь!
Ни гроша не сбавлю,—и такъ уступилъ!»*—

«Ну, вѣрно, часъ добрый! Помолимся
Богу!
Куплю хоть въ убытокъ, на зло кулакамъ!...»
И синій картузъ приподнявши немного,
Съ пчелинцемъ ударилъ купецъ по рукамъ.
Да только, братъ, вотъ что̀: вѣдь я покупаю
На Божію волю, на милость твою,
И если я ульи плохіе сломаю,
Поправь, ради дружбы, ошибку мою.

«Не бойся, родимый, обиды не будетъ...
Родитель мой по смерть всегда говорилъ:

* Подобнаго рода продѣлки нѣкоторыми покупателями меду употребляются нерѣдко. Пьяный пчелинецъ безсознательно повторяетъ слова купца, и, что всего удивительнѣе, опять остается его пріятелемъ: проспавшись, бѣднякъ не помнитъ ничего, сочтетъ вырученныя за медъ деньги и скажетъ: «Эхъ, дешевенько я продалъ медъ-то купцу: ну, видно его щастье!»

Будь честенъ, Ванюшка: Господь не забудетъ,
Гляди, чтобы ты никого не забылъ».

— «Давайте, ребята, проворнѣй кадушку!»*
Работниковъ кликнувъ, купецъ имъ сказалъ:
Да кстати сейчасъ же зажгите курушку **
И вмѣстѣ съ ножемъ не забудьте рѣзецъ;***
Теперь ужь позволь намъ, хозяинъ за дѣло,
И тотчасъ ребята работу начнутъ». —

«Часъ добрый, часъ добрый! работайте смѣло!
Пускай себѣ съ Богомъ на пчельникъ идутъ».

И вотъ медоломы къ труду приступили.
Купецъ мужичковъ продолжалъ угощать,
И вновь даровое вино они пили,
И стали съ покупкой купца поздравлять.
Но праздникъ былъ полный для свата Ивана:
Смекнувъ, что безъ дѣла сидѣть не рука,
Досталъ онъ жилейку свою изъ кармана
И, кашлянувъ, началъ играть трепака.

---

* Въ кадушку кладется медъ, вынутый изъ улья.

** Курушкою медоломы подкуриваютъ пчелъ.

*** Большой ножъ и рѣзецъ (острый желѣзный крюкъ), необходимы при очищеніи улья.

Недолго Пахомовна смирно сидѣла, —
Ей сватова пѣсня знакома была, —
Въ красивицѣ бабѣ вся кровь закипѣла
И, вставши, плясать она бойко пошла;
И крѣпко подъ тактъ застучала котами,
Рукой подбоченяся, грудью впередъ,
И тихо вокругъ поводила глазами,
И градомъ катился съ лица ея потъ.

«Спасибо невѣстка! воскликнулъ Кудимычь:
Всему свое время, — гулять, такъ гулять!...
Какъ думаешь, батюшка, Яковъ Даниличь,
Такого намъ праздника долго вѣдь ждать?»

— «Катай! и моя не щербата копейка! —
Вскочивъ и шатаясь, сватъ Карпъ закричалъ:
«Ну чтожь ты тамъ дремлешь съ своею жилейкой?
Играй веселѣе, колп запгралъ!»
И свистнувъ, онъ крѣпко притопнулъ ногами,
Хватилъ о земь шапку, подперся въ бока,
Тряхнулъ молодецки густыми кудрями
И началъ въ присядку плясать трепака.
И долго со звукомъ жплейки сливался
И свистъ его звонкій и стукъ сапоговъ...

На пляску съ улыбкой купецъ любовался
И думалъ: «ну, разъ я надулъ мужичковъ,
Недурно бъ теперь и въ другой постараться.»—
Межь-тѣмъ подошелъ ужь одинъ медоломъ,—
«Ну что̀, братъ: успѣлп ли съ медомъ убраться?»
Хозяинъ работнику молвилъ тишкомъ.
— «Вотъ есть о чемъ думать! вѣдь намъ не учиться!
Ну, польза отъ меду, хозяинъ, придетъ:
Полтиною можно на рубль поживиться;
Всѣ ульи на выборъ... отличнѣйшій сортъ!» —
«Ступай же тамъ все убери хорошенько;
Мы скоро поѣдемъ, — купецъ отвѣчалъ, —
«Ну что̀, другъ Кудимычь! вѣдь дѣло плохенько:
Ты медомъ-то крѣпко меня наказалъ!
Не дай ужь въ обиду, — прибавь двѣ колодки...
Такая досада, и самъ я не свой!»
— «Охъ, нѣтъ ли, родимый, какой тутъ уловки?». . .
Кудимычь сказалъ, покачавъ головой.
«Какой же уловки? . . . Я развѣ мошенникъ?
Ты, стало-быть, хочешь меня обижать?»

— «Ей–Богу не думалъ! . . . Пойдемъ–ка на пчельникъ:
Колодку сверхъ счету не штука отдать. —
Купецъ говорилъ, что одной маловато,
Но твердо пчелинецъ стоялъ на своемъ,
И тутъ же сослался на перваго свата,
Примолвилъ: «мы знаемъ вѣдь дѣло–то въ чемъ!»
Насилу упрямый купецъ согласился,
Пчелинцу сто двадцать рублей отсчиталъ,
И честью своей передъ нимъ похвалился,
И шляпу въ подарокъ ему обѣщалъ. *

И вотъ всѣ на пчельникъ отправились вмѣстѣ.
Пахомовна въ тряпку посуду взяла,
И только на прежнемъ, оставленномъ мѣстѣ
Дымился огонь и бѣлѣла зола.
Толкая другъ друга, махая руками,
Сваты охмѣлѣвшіе медленно шли,
И пыль загребали съ дороги ногами,
И подъ руки свата–пчелинца вели.
«Ну, вотъ когда вдоволь мы всѣ погуляли!»

---

* Подарить пчелинцу рукавицы или шляпу почти каждый покупатель меду считаетъ своею обязанностію.

Сватамъ съ разстановкой старикъ говорилъ:»
Вишь дѣло какое. . . и медъ мы продали,
И шляпу мнѣ добрый купецъ посулилъ.
Вотъ праздникъ–то Богъ далъ! . . . Теперь я
съ казною. . .
Еще десять ульевъ послѣднихъ продамъ;
Построю избушку. . . и дочку зимою
За парня хорошаго замужъ отдамъ. . .
Постойте... постойте... вѣдь я и забылся...
Эхъ, тò–то вѣдь старому пить не рука!
Я, кажется, съ вами за что–то бранился,
Простите, родные, меня старика!»

— «Да что̀ ты, Кудимычь! сваты отвѣ-
чали:
Не грѣхъ ли объ этомъ тебѣ говорить;
Коли отъ тебя мы обиду видали?
Намъ по̀ вѣкъ, родимый, тебя не забыть:»

Сватъ Карпъ, головою кудрявой качая
И старую шапку назадъ заломивъ,
Съ открытою грудью, шелъ, пѣснь напѣвая,
Широкую руку къ щекѣ приложивъ:
«Эхъ, воля моя, молодецкая воля!
Не надолго, вѣрно была ты дана:

Сгубила тебя горемычная доля,
На вѣкъ погубила злодѣйка-жена!
Какъ вспомнишь ту волю, — слеза навернется,
И съ горябъ на свѣтъ, на людей не глядѣлъ!
Да видно живи, молодецъ, какъ живется,
Когда свое щастье беречь не умѣлъ!»
И долго сваты на дорогѣ шумѣли. . .
Но силы остатокъ имъ сталъ измѣнять:
Ихъ очи безъ цѣли и мысли глядѣли
И рѣчи ихъ трудно ужь было понять.
До пчельника кой-какъ, съ трудомъ, дотащившись,
Межь ульевъ бродили они съ полчаса,
И всѣ, наконецъ, на траву повалившись,
Въ тяжелой дремотѣ закрыли глаза.
И все пріутихло. . . Одинъ лишь Кудимычь,
Порою, невнятно, сквозь сонъ бормоталъ:
«Сто двадцать... сто двадцать... Какъ знаешь, Данилычь!
Ни гроша не сбавлю! . . . Я сразу сказалъ».

Садилося солнце. Волнистыя нивы
Горѣли румянцемъ. Весь западъ пылалъ.

Чуть слышно шептали зеленыя ивы;
Вечерней прохладою воздухъ дышалъ.
Очистивши улей, подарокъ пчелинца,
Купецъ отдалъ бабѣ — миткаль и платки,
Примолвивъ: «ну, вотъ тебѣ вдругъ три гостинца!
Носи, не жалѣй съ моей легкой руки;
У тебя вѣдь обновокъ, я думаю, мало?»
— «Охъ, мало, касатикъ! откуда ихъ взять?
Намъ, послѣ пожара, какъ лѣто настало,
И хлѣбъ-то пришлось у людей занимать!
Теперь хоть отъ меду копейка собьется, —
Старикъ не минуетъ избушку купить;
А дочь-то опять жениха не дождется. . .
Да, плохо, кормилецъ мой. стало намъ жить!
Я думаю въ городъ... въ кухарки наняться ..
Не-то похоронимъ, глядишь, старика,
Дочь станетъ въ селѣ безъ пріюта шататься,
И я-то останусь тогда безъ куска». . . —
«Эхъ, жаль! купецъ думалъ: дѣла въ безпорядкѣ. . .
Въ другой разъ тутъ нечего будетъ купить.
Ну, еслибъ я зналъ, что пчелинецъ въ упадкѣ —
Мнѣ въ мутной водѣ рыбу легче бъ ловить»...

Межь-тѣмъ ужь коней запрягли медоломы;
Купецъ сѣлъ въ повозку, картузъ приподнялъ,
Слегка поклонился молодкѣ знакомой
И *тронуть* своихъ лошадей приказалъ.
И лошади крупною рысью пустились,
На уздахъ раздался бубенчиковъ звукъ,
И спицы тяжелыхъ колесъ закружились,
И пыль за повозками встала вокругъ. . .
Вотъ кони, изчезнувъ за пылью густой,
Еще на горѣ показался разъ,
Свернули налѣво, и вдругъ, за горою,
Въ глубокой лощинѣ пропали изъ глазъ.

1854.

LX.

НЕУДАЧНАЯ ПРИСУХА.

Ударъ за ударомъ,
Полуночный громъ. . .
То вспыхнетъ пожаромъ
Все небо кругомъ,

Освѣтитъ картину
Села надъ рѣкой,
И лѣса вершину,
И берегъ крутой;

То снова все тёмно. . .
Лишь вѣтеръ шумитъ,
Да ливень холодный
Въ оконцо стучитъ.

Горитъ одиноко
Въ избушкѣ ночникъ;

На лавкѣ широкой
Кудесникъ–старикъ,

Съ сѣдой бородою,
Съ угрюмымъ лицомъ,
Надъ чашей съ водою
Сидитъ за столомъ.

На лбу бороздами
Морщины лежатъ,
Глаза подъ бровями
Какъ угли горятъ.

У притолки парень
Въ халатѣ стоитъ:
Онъ, бѣдный, печаленъ
И въ землю глядитъ;

Лицо некрасиво,
На видъ простоватъ,
Но сложенъ на диво
Отъ плечь и до пятъ.

«Ну, слушай: готово!
Хоть трудъ мой великъ, —

— Промолвилъ сурово
Кудесникъ-старикъ:

«Я сдѣлаю дѣло:
Красотка твоя
И душу и тѣло
Отдастъ за тебя!»

И тихо онъ началъ
Шептать наговоръ:

«На морѣ, на Окіянѣ
«Бѣлый камень Алатырь:
«На немъ баня огнемъ пышетъ
«Съ раскаленною доской.
«Тридцать три тоски оттуда
«Всюду мечутся: на югъ,
«На пути и перепутья,
«Западъ, сѣверъ и востокъ.
«Киньтесь вы, тоски, дѣвицѣ
«Въ разумъ, въ сердце, въ очи, въ ликъ
«Въ жилы, кости и составы,
«Въ тѣло бѣлое и кровь!
«Чтобъ *о немъ* она крушилась,
«Тосковала день и ночь,

«Чтобъ для ней *онъ* былъ утѣхой,
«Милѣй солнышка и сна,
«Свѣта бѣлаго дороже,
«Лучше матери, отца!
«Будетъ слово мое крѣпко,
«И не снимется тоска
«Тѣмъ, кто въ морѣ вышьетъ воду,
«Траву выщиплетъ въ поляхъ!»

«Иди! до свиданья!
И помни мой трудъ:
Мои заклинанья
Недаромъ пойдутъ».

— «Спасибо, кормилецъ!
За все заплачу;
Поможешь, — гостинецъ
Съ поклономъ вручу.

«Крупы, коли скажешь —
Мѣшокъ нипочемъ!
А денегъ прикажешь —
И деньги найдемъ». —

И съ радости дома
Такъ парень мой спалъ,

Что бури и грома
Всю ночь не слыхалъ.

Во снѣ ему снилось,
Что онъ ужь женатъ,
Что, Богъ далъ, родилось
Ужь двое ребятъ.

Пять дней пролетѣло. . .
Вотъ разъ, вечеркомъ,
На лавкѣ, безъ дѣла,
Лежитъ онъ ничкомъ,

На крѣпкія руки
Припавъ головой,
Колотитъ отъ скуки
Объ лавку ногой. —

Лучина горѣла
Въ свѣтцѣ на полу,
Старушка сидѣла
За прялкой въ углу, —

И вдругъ повернулся
Плечо почесалъ,

Зѣвнулъ, потянулся
И громко сказалъ:

«Слышь, мамушка! баютъ,
У насъ въ деревняхъ
Вишь доки бываютъ, —
И вѣрить-то страхъ!

Кого вишь присушатъ,
Не милъ станетъ свѣтъ:
Тоска такъ и душитъ! . . .
Что̀ правда, аль нѣтъ?»

— «Охота, родимый,
Про дрянь вспоминать!
Бываютъ, вѣстимо. . . »
Отвѣтила мать.

«Ну правда, такъ ладно!»
Сынъ думалъ: «дождусь! . . .
Эхъ, жить буду славно,
Коли я женюсь! . . . »

Но, видно, напрасно
Кудесникъ шепталъ

И дѣвицѣ красной
Тоской угрожалъ, —

Тоска не являлась. . .
А жаль: вѣдь плуту
Навѣрно–бъ досталось
Взять съ парня крупу.

Другаго красотка
Любила тайкомъ
За пѣсни, походку
И кудри кольцомъ.

А парень гуляетъ:
Какъ праздникъ придетъ,
Лицо умываетъ
И гребень беретъ,

И кудри направо,
Налѣво завьетъ,
Подумаетъ: «браво!»
И пальцемъ щелкнетъ.

Какъ снѣгъ въ чистомъ полѣ,
Рубашка на немъ,

Кумачь на подолѣ
Сверкаетъ огнемъ;

На шляпѣ высокой,
Межъ черныхъ двухъ лентъ
Блеститъ одиноко
Витой позументъ,

Онучи обвиты
Кругомъ бичевой,
И лапти прошиты
Суровой пенькой.

Тряхнетъ волосами,
Идетъ въ хороводъ.
«Ну, вотъ, дескать, нами
Любуйся народъ!»

И свистнетъ, и станетъ
Плясать молодцомъ,
Отъ ногъ инда встанетъ
Пыль темнымъ столбомъ!

Но какъ–то, случайно,
Узналъ наконецъ

Про дѣвкину тайну,
На грѣхъ, молодецъ.

Вся кровь закипѣла
Въ бѣднягѣ. . . «Такъ вотъ,
Онъ думалъ: въ чемъ дѣло!
Кудесникъ-то вретъ.

«Дождется-жь онъ платы!
Ну, я съ нимъ того. . .
Обманщикъ проклятый,
Я вспомню его!»

И два дни, угрюмый,
Убитый тоской,
Все думалъ онъ думу
Въ избушкѣ своей.

На третій, — лишь только
Отправилась мать
На рѣчку въ ведёрко
Водицы набрать,

И день загорѣлся, —
Съ постели онъ всталъ,

Обулся, одѣлся,
Котомку сыскалъ,

Въ тряпицѣ рубашку
Въ нее положилъ,
И съ ложкою чашку
Туда-жь опустилъ,

Халатъ для дороги,
Про непогодь, взялъ. . .
Мать входитъ; онъ въ ноги
Ей палъ и сказалъ:

«Ну, мамушка! горько,
Признаться, идти
Съ родимой сторонки. . .
А, видно, прости!»

Мать такъ и завыла:
— «Касатикъ ты мой!
Ахъ, крёстная сила!
Что̀ это съ тобой?» —

«Эхъ, тошно, родная!
И днемъ и во снѣ

Сторонка чужая
Все грезится мнѣ.

«Нуждѣ не учиться,
Косить не боюсь,
Пойду потрудиться:
Съ казной ворочусь».

Какъ мѣлъ побѣлѣла
Отъ словъ его мать,
На лавку присѣла
И что-то сказать

Хотѣла, какъ видно,
Раскрыла ужь ротъ —
Но очи недвижно
Смотрѣли впередъ

Безъ мысли и цѣли,
И, словно свинецъ,
Уста посинѣли. . .
Ну, просто мертвецъ!

«Эхъ-ма! я старуху
Никакъ испугалъ!

Не слышно и духу. . .
Сынокъ разсуждалъ.

«Вотъ горе, ей–Богу!
Жаль полъ–то мочить:
Водой бы немного
Ее окатить».

Межь–тѣмъ встрепенулась
Старушка; отъ сна
Какъ–будто проснулась
Въ тревогѣ она;

Вздохнула, привстала,
Припомнила все,
И другъ зарыдала:
— «Дитя ты мое!

«Да какъ же подъ старость
Мнѣ жить–то одной?
Вѣдь ты моя радость,
Кормилецъ родной!» —

И къ сыну припала
На грудь головой

И все повторяла:
— «Кормилецъ родной!» —

Сынъ крѣпко рукою
Хватилъ себя въ лобъ,
И думалъ съ собою:
«Прямой остолопъ!

«Ну, вотъ тебѣ здравствуй! . . .
Наладилось мнѣ:
Иди, малый! царствуй
Въ чужой сторонѣ!

«А, стало, старушкѣ
Одной пропадать!
Казны-то полушки
Вѣдь негдѣ ей взять.»

И парень украдкой
Лицо отвернулъ,
Заплакакъ, и шапку
На лавку швырнулъ.

«Ну, полно, родная!
Я такъ. . . пошутилъ. . .

Эхъ, доля худая!
Живи, знать, какъ жилъ!» . . .

Чрезъ часъ взялъ онъ хлѣба
Ломоть, закусилъ,
И такъ до обѣда
Овесъ молотилъ,

Что парень сосѣдскій
Взглянулъ и сказалъ:
— «Охъ, взмахъ молодецкій!
Вотъ силу Богъ далъ!» —

Старушкѣ, ужь долго
Спустя, сынъ сказалъ,
Зачѣмъ въ путь-дорогу
Онъ вдругъ загадалъ.

Но самъ посчитался
Съ плутомъ-старикомъ:
Морочить заклялся
Старикъ колдовствомъ.

1854.

LXI.

БУРЛАКЪ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что̀ вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятпадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня, молодца,
Я женился — и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла;
Дай Богъ царство небесное бѣдной!
Не повѣришь, такая хозяйка была —
Дорожила полушкою мѣдной.
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ

И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
Пѣтухи пропоютъ, ну тогда отдохнетъ
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ —
Ужь она на ногахъ: поглядишь, побѣжитъ
И овцамъ и коровамъ дастъ корму,
Печь истопитъ, — и снова за прялкой сидитъ,
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать, иль снопы подавать
Съ земи на возъ, — и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «не пора ль отдыхать?»
— «Ничего, говоритъ, не устала.» —
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: «напрасно:
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить.
Что̀ ты тратишься, соколъ мой ясной!»
Какъ въ раю съ нею жилъ! . . . да не намъ вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ:
Улеглася жена въ землю на̀-вѣки спать. . .
Вспомнишь — жизнь не мила тебя станетъ!
Вся надёжа была, — словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ-сынишка.
По складамъ ужь псалтирь было началъ читать,

Думалъ: «выйдетъ мой въ люди мальчишка!»
Да не то ему Богъ на роду написалъ:
Заболѣлъ отъ чего-то весною,
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ,
И поилъ наговорной водою,
Обѣщался рублевую свѣчку купить
Предъ иконою въ церкви поставить, —
Не услышалъ Господь. . . и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить. . .
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки!
Стали хлѣбъ убирать, — въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и скуки!
Ночь придетъ, — по селу, другъ за другомъ, гужомъ,
Скрыпятъ, ѣдутъ съ снопами обозы,
А ты сядешь въ избѣ за дубовымъ столомъ
И утрешь кулакомъ свои слёзы. . .
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, молъ, вотъ рожь
Справлю сани, извозничать буду, —
Вдругъ — бѣда за бѣдой — на скотину падёжъ. . .
Чай по гробъ этотъ годъ не забуду!
Кой-какъ зиму провелъ; вижу честь мнѣ не та:

То на сходкѣ иной посмѣется:
«Дескать, всякая вотъ что–ни–есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!»
То бранятъ за–глаза: «не съ его–де умомъ
Жить въ нуждѣ: видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по нашему такъ, коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ:
Видно Богъ свою помочь мнѣ подалъ!
Запросилась душа на широкій просторъ. . .
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги–матушки синія волны! . . .
Коли отдыхъ придетъ, — на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ — и вмигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь — самъ тутъ зальешься!
Непогода–ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе, —
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;

Ретивое забьется, и вспыхнешь огнемъ!
Осень, холодъ, — не надобна шуба!
Сядешь въ лодку — гуляй! размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!
Какъ гора за горой, валъ за валомъ идетъ,
Пѣна бѣлая клубомъ несется,
Всюду стонъ, голоса, . . буря свищетъ, ревetъ,
Во всѣ стороны гулъ раздается!
Ты летишь по волнамъ, только брызги кругомъ. . .
Крикнешь: «ну, теперь Божія воля!
Коли жить — будемъ жить, умереть — такъ умремъ!»
И въ душѣ словно не было горя!

1834.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

		Стр.
I.	Когда одинъ въ минуты размышленья	1
II.	Тихо ночь ложится	3
III.	Полно спать тебѣ, степь	5
IV.	Поле	7
V.	Монастырь	8
VI.	Лѣсъ	10
VII.	Не отравляй минутъ успокоенья	12
VIII.	Присутствіе непостижимой силы	13
IX.	Грусть старика	14
X.	Мраморъ	16
XI.	Еще одинъ потухшій день	17
XII.	Тишина ночи	19
XIII.	Молвы язвительной и дерзкой	23
XIV.	Похороны	25
XV.	Перемѣна	27
XVI.	Ночь на берегу моря	29
XVII.	Дубъ	30
XVIII.	Тайное горе	32
XIX.	Вечеръ	33

Стр.

XX. Ключь 35
XXI. Ночь 37
XXII. Когда закатъ прощальными лучами . 39
XXIII. На западѣ солнце пылаетъ 40
XXIV. Дитяти 49
XXV. Югъ и Сѣверъ 43
XXVI. Русь 45
XXVII. Бываютъ свѣтлыя мгновенья 52
XXVIII. Суровой холодъ жизни строгой. . . . 54
XXIX. Пѣвцу 55
XXX. Развалины 58
XXXI. Кладбище 61
XXXII. Степная дорога 64
XXXIII. Художнику 69
XXXIV. * * * 70
XXXV. Засохшая береза. 72
XXXVI. Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ. 74
XXXVII. Жизнь и смерть. 76
XXXVIII. Успокоеніе 78
XXXIX. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ . . . 81
XL. Новый Завѣтъ. 83
XLI. Молитва дитяти. 85
XLII. Я помню щастливые годы 87
XLIII. Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ . . 91
XLIV. Поэту 94
XLV. Пѣсня 97
XLVI. Война за Вѣру. 99
XLVII. Старикъ другоженецъ. 102
XLVIII. Зимняя ночь въ деревнѣ 105
XLIX. Наслѣдство. 109
L. Сладость молитвы. 111

Стр.

LI. Ночлегъ 114
LII. Ссора 125
LIII. Измѣна 131
LIV. Утро на берегу озера 135
LV. Упрямый отецъ 140
LVI. С. В. Чис . . . вой 146
LVII. Вечеръ послѣ дождя 149
LVIII. Жена ямщика 153
LIX. Купецъ на пчельникѣ 163
LX. Неудачная присуха 183
LXI. Бурлакъ 197

LIBRARY OF CONGRESS
00025254910